A10 3/52

A10 3/52

AX 3/52

О

КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ

и

ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ИХЪ ГОДОВЩИНѢ.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.
1862.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 8134
15 " XII 1931 г.

О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ И ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ИХЪ ГОДОВЩИНѢ.

(Письма къ редактору.)

ПИСЬМО 1-е.

Вы спрашиваете моего мнѣнія о томъ, праздновать ли въ нынѣшнемъ году тысячелѣтіе Славянской письменности, и развиваете при этомъ мысль о необходимости ознаменовать наше уваженіе къ памяти великихъ первоучителей Славянскихъ, Кирилла и Меѳодія. Вы не можете сомнѣваться въ моемъ сочувствіи этому дѣлу; но потому именно, что я желаю ему успѣха, мнѣ кажется нужнымъ выразить вамъ свое убѣжденіе, что въ *нынѣшнемъ году* празднованіе тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія было бы преждевременнымъ и повело бы къ цѣли, прямо противоположной той идеѣ, которую мы имѣемъ въ виду.

Кирилла и Меѳодія одинаково чтутъ всѣ Славянскіе народы, и Южные, и Западные, и Восточные,

какъ основателей христіанскаго просвѣщенія въ цѣломъ Славянскомъ мірѣ; очевидно, что празднованіе ихъ памяти должно быть вмѣстѣ и благодарнымъ воспоминаніемъ совершеннаго ими подвига, и свидѣтельствомъ братскаго единенія Славянъ, которое, слабо мелькнувъ при Кириллѣ и Меѳодіи, нынѣ, черезъ тысячу лѣтъ, возобновляется. Но если бы мы захотѣли, чтобы годовщина Кирилла и Меѳодія праздновалась въ нынѣшнемъ 1862 году, то, вмѣсто единенія, мы внесли бы рознь въ общее дѣло Славянское; ибо Западные Славяне не могутъ согласиться съ нами на это. У нихъ всѣ преданія и свидѣтельства соединяютъ 63-й годъ съ памятью Славянскихъ первоучителей, и къ 1863 году они готовятъ народное торжество по случаю тысячелѣтія своего христіанскаго просвѣщенія.

Но, вы спросите, дѣйствительно ли въ 1862 году исполнится тысяча лѣтъ со времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ? Если это такъ, то, каковы бы ни были приготовленія Западныхъ Славянъ къ 1863 году, не должны ли мы, независимо отъ Западныхъ Славянъ, отпраздновать тысячелѣтіе письменности нашей?

Мнѣніе, что Славянская азбука изобрѣтена въ 862 году, основывается у насъ преимущественно

на сочиненіи О. М. Бодянскаго; таковъ выводъ его обширной и ученой книги «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ.» Но выводъ этотъ, при огромной учености, которою онъ обставленъ, имѣетъ до сихъ поръ характеръ гипотезы, далеко не всѣми Славянами принятой. Многіе предпочитаютъ свидѣтельство древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ сказаній объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ (сказаніе Черноризца Храбра), гдѣ прямо говорится, что изобрѣтеніе сдѣлано въ 855 году, и находятъ въ подкрѣпленіе этого доводы «въ Славянскихъ древностяхъ» Шафарика (*).

Конечно, цифра, записанная Черноризцемъ Хра-

(*) Слав. Древн. переводъ Бодянскаго, т. II, кн. 1, стр. 295; кн. 2, стр. 316. Впослѣдствіи Шафарикъ перемѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ изобрѣтеніе письменъ къ 862 году. Но и на этомъ онъ не остановился: въ послѣдніе годы своей жизни онъ полагалъ, что письмена Славянскія дѣйствительно изобрѣтены были Кирилломъ въ 862 году, но не тѣ письмена, которыя мы приписываемъ ему и называемъ кириллицей, а напротивъ, азбука, извѣстная подъ именемъ глаголицкой; начало же общеупотребительныхъ (Кирилловскихъ) письменъ Славянскихъ онъ присвоиваетъ ученику Кирилла и Меѳодія, Клименту Болгарскому и относитъ къ позднѣйшему времени. Объ этомъ предположеніи скажу нѣсколько словъ впослѣдствіи.

бромъ, при отдаленности эпохи и сбивчивости разнородныхъ источниковъ, можетъ показаться сомнительною; притомъ же самое событіе, — изобрѣтеніе письменъ, — такого рода, что полной исторической достовѣрности въ опредѣленіи года, въ которомъ оно совершилось, искать невозможно. Могли ли даже современники, не говоря о потомкахъ Кирилла, знать навѣрно, въ какомъ именно году ему пришла мысль дать Славянамъ самобытную азбуку и письменность, и онъ въ первый разъ попытался начертать на листѣ пергамена звуки Славянскаго языка?

Очевидно, что годъ можетъ быть въ этомъ случаѣ опредѣленъ только приблизительно. Что касается до меня, то, имѣя тутъ передъ собою двѣ цифры, 855 и 862 годъ, первую, основанную на свидѣтельствѣ Храбра, и вторую, выведенную О. М. Бодянскимъ, изъ сличенія разныхъ другихъ показаній, я все-таки долженъ признать первую цифру вѣрнѣйшею; чѣмъ однако же нисколько не уменьшается, въ глазахъ моихъ, ученое достоинство книги многоуважаемаго Московскаго профессора.

Въ письмѣ этомъ я находилъ бы неумѣстнымъ подробный разборъ вопроса, который, при всей незначительности своей, чрезвычайно сложенъ и много

занималъ ученыхъ Славянскихъ (одинъ Шафарикъ представилъ о немъ три совершенно различныхъ заключенія); изложу въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ свое мнѣніе. Я считаю 855 годъ наиболѣе подходящимъ къ истинѣ не только потому, что онъ опирается на положительномъ свидѣтельствѣ древняго памятника, но главное потому, что этотъ годъ, соотвѣтствуя общему ходу событій, заключаетъ въ себѣ внутреннее, такъ сказать, вѣроятіе.

Можно принять за фактъ совершенно достовѣрный (и никто, прочитавъ со вниманіемъ древнія сказанія и сличивъ ихъ между собою, въ томъ не усомнится), что изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ и переводъ священнаго писанія не были для Кирилла и брата его Меѳодія предпріятіемъ случайнымъ, на которое натолкнуло ихъ одно лишь внѣшнее побужденіе — порученіе Византійскаго правительства проповѣдывать христіанство въ Болгаріи и Моравіи; несомнѣнно, напротивъ, что это было въ нихъ дѣломъ внутренняго сознанія и убѣжденія, выработаннаго всею обстановкою ихъ жизни, и что благопріятныя внѣшнія обстоятельства только помогли имъ осуществить съ громаднымъ успѣхомъ то, къ чему ихъ влекло призваніе. Кириллъ (*) родился и

(*) Извѣстно, что онъ до принятія схимы предъ смер-

воспитывался въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, которая тогда еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была въ полномъ смыслѣ страною Славянскою. Только въ главномъ городѣ сохранялась Греческая стихія, но городъ этотъ окружали Славянскія селенія и онъ былъ сборнымъ для нихъ мѣстомъ. Тамошніе Славяне, подпавши подъ власть Византійской Имперіи, были уже обращаемы въ христіанство; но вѣра христіанская оставалась для нихъ одною формальностью, которой они подчинялись въ угоду своимъ правителямъ, но которая ничего не говорила ни уму ихъ, ни сердцу. Такова была среда, въ которой выросъ Кириллъ. Среда эта со всѣми ея нуждами должна была сдѣлаться тѣмъ болѣе ему извѣстною, что старшій братъ его Меѳодій въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ начальникомъ одной части Македоніи, именно той части ея, которая, по своему исключительно-Славянскому населенію, называлась въ то время Славиніей (*). Присоедините же къ этимъ внѣшнимъ

тію своею, носилъ имя Константина; но для избѣжанія сбивчивости я буду здѣсь постоянно называть его тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ остался извѣстенъ потомству и чтится церковью.

(*) Кажется, это была Сѣверо-Восточная часть Македоніи.

обстоятельствамъ искреннее, глубокое христіанское настроеніе Кирилла, жажду духовнаго подвига, которою онъ, какъ видно изъ всѣхъ древнихъ сказаній, отличался съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и вы поймете, что мысль помочь Славянамъ и сдѣлаться для нихъ вѣстникомъ Божіей благодати должна была овладѣть имъ еще въ молодости, когда онъ жилъ именно въ этой средѣ. Далѣе, возьмите во вниманіе, что Кириллъ получилъ самое совершенное образованіе, свѣтское и духовное, какое только могла дать тогдашняя Византія, и вы поймете, что средство, для осуществленія его мысли, — средство, на которое указывали и ученіе церкви, и примѣры ея исторіи,— тогда же опредѣлилось и уяснилось въ его сознаніи. Если бы Кирилломъ не владѣло убѣжденіе въ его призваніи сдѣлаться просвѣтителемъ народа Славянскаго, если бы эта идея не росла въ немъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ и не была цѣлію его жизни, а только случайнымъ въ ней эпизодомъ, то могъ ли бы онъ въ свой недолгій вѣкъ совершить такое громадное дѣло, — дѣло, отъ котораго ведетъ свое начало духовное развитіе всѣхъ Славянскихъ народовъ? Неужели для того достаточно бы было шести лѣтъ офиціальной дѣятельности его въ Моравіи? И какимъ образомъ объяснить его вліяніе на своего

брата Меѳодія, который былъ гораздо старше и сановитѣе его, и котораго онъ заставилъ, совсѣмъ къ тому неприготовленнаго, обратиться, послѣ правительственной службы, къ изученію книгъ, а затѣмъ къ проповѣди, и сдѣлаться преданнѣйшимъ его помощникомъ? Мнѣ кажется очевиднымъ, что Кириллъ былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ людей, которые внутри себя находятъ свое предопредѣленіе исполнить великое историческое дѣло и посвящаютъ себя ему исключительно. Я считаю, съ точки зрѣнія психологической, совершенно невозможнымъ допустить, чтобы Кириллъ взялся за свое историческое дѣло только вслѣдствіе посольства въ Константинополь Моравскаго князя Ростислава (въ 862 году), и одно это было бы для меня вполнѣ убѣдительно, если бы даже ничего другаго не говорило въ пользу моего мнѣнія. Но оно подтверждается положительными свидѣтельствами древнихъ памятниковъ, лингвистикой и связью историческихъ фактовъ.

Я упомянулъ о сказаніи Храбра (который писалъ еще, когда были живы люди, видѣвшіе первоучителей Славянскихъ), гдѣ изобрѣтеніе письменъ отнесено къ 855 году. Сверхъ того, есть другія свидѣтельства, что изобрѣтеніе совершено въ Ма-

кедоніи, что тамъ Кириллъ предпринялъ переводъ Священнаго Писанія, для просвѣщенія Славянъ въ своей родинѣ, уже частію крещеныхъ; указывается даже мѣсто, гдѣ Кириллъ положилъ начало этому дѣлу, именно Брегальница, край въ Македоніи, въ которомъ протекаетъ рѣка, носящая и до нынѣ это имя. Это показаніе потому особенно вѣроятно, что вообще, чѣмъ точнѣе и положительнѣе въ какомъ нибудь историческомъ извѣстіи географическія и тому подобныя данныя, тѣмъ свидѣтельство ближе къ источнику, и точность эта всегда исчезаетъ по мѣрѣ перехода историческаго факта въ область легенды. Брегальница находится именно въ той (сѣверо-восточной) части Македоніи, которая по преимуществу называлась Византійцами Славиніей, и эта-то страна находилась въ то время подъ управленіемъ Меѳодія: не была ли тутъ для Кирилла самая близкая, самая лучшая почва для первой попытки Славянской письменности, Славянскаго богослуженія? не естественно ли, что именно здѣсь первый, еще скромный успѣхъ святаго дѣла, начатаго младшимъ братомъ подъ его глазами, побудилъ Меѳодія отказаться отъ свѣтской власти и посвятить себя обращенію Славянъ? Наконецъ, если бы могло остаться малѣйшее сомнѣніе въ

томъ, что Македонія была родиною Славянскихъ письменъ и Славянскаго перевода священныхъ книгъ, то его отстранило бы свидѣтельство неопровержимое, не подлежащее искаженію, какъ письменный памятникъ: свидѣтельство языка. Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ Болгаръ Македонскихъ, тѣмъ яснѣе становится, что оно представляетъ въ живой рѣчи народа тѣ свойства, которыя служатъ *отличительными*, такъ сказать діалектическими, признаками церковно-Славянскаго языка (*) въ ряду вѣтвей Славянскихъ. Въ этомъ отношеніи получаютъ особенную важность изданные недавно сборники народныхъ пѣсенъ Македонскихъ Болгаръ, г. Верковича, и въ особенности прекрасный сборникъ братьевъ Миладиновыхъ, которые поплатились тюремнымъ заключеніемъ и, судя по печальной вѣсти, сообщенной въ 21 № «Дня,» смертію за любовь къ своей народности. Это великая утрата не только для народнаго дѣла Болгаріи, но и для всего Славянства. Дай Богъ, чтобы Македонскіе Болгаре вознаградили ее, идя по слѣдамъ этихъ безкорыстныхъ тружениковъ святаго дѣла, достойныхъ представителей родины Ки-

(*) Разумѣется, въ его древнѣйшихъ памятникахъ.

рилла и Меѳодія. На Болгарахъ Македонскихъ лежитъ двойная обязанность вызвать на свѣтъ то, что хранитъ ихъ народъ: обязанность передъ собственнымъ своимъ отечествомъ и обязанность передъ цѣлымъ Славянствомъ: ибо какъ ихъ древній языкъ былъ первымъ вѣстникомъ просвѣщенія у всѣхъ Славянскихъ народовъ, такъ онъ служитъ нынѣ точкою отправленія науки во всемъ, что касается Славянскаго міра. Подробное изученіе современной Македоніи, языка и преданій ея Славянскихъ жителей, ея средневѣковыхъ памятниковъ, составляетъ въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ задачъ Славянской науки.

Въ сравненіи со всѣми тѣми данными, которыя въ совокупности своей составляя, мнѣ кажется полную достовѣрность, указываютъ на Македонію, какъ на родину Славянской письменности, на Македонскихъ Славянъ, какъ на то племя, для котораго Кириллъ первоначально предназначалъ свои труды, — что значитъ, я спрашиваю васъ, противорѣчіе, такъ называемыхъ, Паннонскихъ житій? Вѣдь житія эти, источникомъ которыхъ были сказанія, записанныя въ Моравіи, имѣютъ въ виду преимущественно дѣятельность Кирилла въ этой странѣ. Понятно, что Моравія, которая вначалѣ,

дѣйствительно, болѣе всего воспользовалась трудами Кирилла и Меѳодія, могла, или лучше сказать, должна была приписать своему вліянію и самый поводъ къ этимъ трудамъ. Но уже одно то, что въ Моравскихъ памятникахъ говорится объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ совершенно неопредѣлительно, безъ указанія мѣста, гдѣ оно совершилось, безъ обозначенія года изобрѣтенія, довольно ясно указываетъ на неточность свѣдѣній, бывшихъ тамъ въ ходу объ этомъ событіи. Наконецъ, если бы мы, слѣдуя позднѣйшему мнѣнію Шафарика и заключенію О. М. Бодянскаго, отнесли начало Славянской письменности къ тому времени, когда Кириллъ и Меѳодій вызваны были въ Моравію, т. е. къ 862 году, то какъ же мы согласили бы этотъ фактъ съ совершившимся прежде того, въ 860 или 861 году, крещеніемъ Болгарскаго князя Бориса и части народа Болгарскаго? Крестилъ ихъ, какъ извѣстно, Меѳодій: неужели же онъ, по примѣру тѣхъ Греческихъ и Латинскихъ монаховъ, на которыхъ такъ жаловались Славяне, принесъ въ Болгарію христіанство безъ Славянскихъ письменъ, безъ богослуженія и книгъ, понятныхъ народу? Неужели только спустя годъ или два послѣ крещенія державы Болгарской, Кириллъ и Меѳодій,

вслѣдствіе посольства изъ Моравіи, догадались, что Славянамъ нужно возвѣщать христіанство на ихъ языкѣ?

И такъ, рѣшаюсь сказать, если только относительно столь отдаленныхъ отъ насъ временъ возможна полная историческая достовѣрность, то достовѣрно, что начало Славянской письменности принадлежитъ эпохѣ, когда дѣятельность Солунскихъ братьевъ посвящена была еще ихъ родинѣ, Македоніи, т. е. до ихъ отправленія въ землю Козарскую. Путешествіе Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ; за которымъ непосредственно послѣдовала миссія Меѳодія въ Болгарію, и за тѣмъ переѣздъ обоихъ братьевъ въ Моравію, путешествіе къ Козарамъ относится, по соображенію всѣхъ данныхъ, къ 858 году; значитъ, полагать изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ и начало Славянскаго богослуженія послѣ этого времени, невозможно; значитъ, 855 годъ, приводимый черноризцемъ Храбромъ, получаетъ полное вѣроятіе. Если угодно, я согласился бы и съ тѣмъ, что событіе это совершилось еще ранѣе, какъ дѣйствительно одна Сербская лѣтопись помѣщаетъ начало Славянской грамоты подъ 852 годомъ: смыслъ событія и историческая связь его съ общимъ ходомъ дѣятельности Кирилла и Меѳо-

дія отъ этого не измѣнились бы нисколько; но между этими двумя данными, которыя сами по себѣ совершенно равнозначительны, 855 годъ заслуживаетъ предпочтеніе, потому что онъ записанъ въ памятникѣ, спеціально посвященномъ разсказу объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ и составляющемъ самое древнее и самое достовѣрное свидѣтельство, какое сохранилось объ этомъ дѣлѣ, а въ Сербской лѣтописи о Кириллѣ упомянуто лишь вскользь, и при томъ же лѣтопись составлена нѣсколько столѣтій послѣ его смерти.

Въ газетѣ вашей, занимающейся самыми живыми вопросами нашей современности, это хронологическое разсужденіе о времени изобрѣтенія Славянской азбуки покажется, вѣроятно, довольно неумѣстнымъ. Но споръ о началѣ письменности Славянской необходимо намъ рѣшить, такъ или иначе, въ виду возникшаго у насъ предположенія праздновать въ нынѣшнемъ году ея тысячелѣтіе. Нужно ли его праздновать или не нужно? Я представилъ вамъ свой отвѣтъ: не нужно. Пусть другіе съ своей стороны выскажутъ свое мнѣніе. Но хотя бы изложенныя мною историческія сужденія оказались неосновательными и были опровергнуты учеными, я все же попрошу обратить вниманіе на выраженную въ

началѣ моего письма мысль, что празднованіе нами въ *нынѣшнемъ* году тысячелѣтней годовщины Кирилла было бы неумѣстно по отношенію къ остальнымъ Славянамъ.

При другихъ обстоятельствахъ я былъ бы радъ такого рода празднеству, если бы даже годъ тысячелѣтія былъ назначенъ ошибочно: потому что тутъ дѣло не въ хронологіи, а въ благодарности нашей великому и святому человѣку, которому всѣ Славянскіе народы обязаны началомъ своего умственнаго и духовнаго просвѣщенія, и въ заявленіи, во имя этого человѣка и совершеннаго имъ подвига, братства Славянскихъ народовъ. Но когда западные Славяне условились праздновать тысячелѣтнюю память Славянскихъ апостоловъ въ 1863 году, когда у нихъ есть на то причина въ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, и когда, что всего важнѣе, мысль объ этомъ торжествѣ и приготовленія къ нему сдѣлались у нихъ всеобщею, народною заботою, — то неужели мы, еще не приготовившіеся, мы, столь равнодушные къ памяти первоучителей Славянскихъ, не присоединимся къ другимъ Славянамъ и будемъ праздновать тысячелѣтіе Славянскаго просвѣщенія годомъ раньше и безъ нихъ? Это была бы ошибка, даже если бы предположе-

ніе, о которомъ вы мнѣ писали, основывалось на самыхъ неопровержимыхъ историческихъ данныхъ; а что историческая основательность этого предположенія крайне сомнительна, въ этомъ вы во всякомъ случаѣ со мною согласитесь.

Слѣдовало бы Славянамъ въ наше время праздновать троекратно тысячелѣтнюю годовщину въ память Кирилла и Меѳодія; въ 1855 году — тысячелѣтіе изобрѣтенія письменъ Славянскихъ и начала христіанскаго просвѣщенія Славянъ; въ 1861 году — тысячелѣтіе крещенія народа Болгарскаго; наконецъ въ 1863 тысячелѣтіе крещенія Моравіи и вообще Славянъ западныхъ. Въ 1855 году мы позабыли о томъ, изъ-за военной тревоги, а западные Славяне, потерявшіе грамоту Кириллову, про нее и не вспомнили; съ 1861 году Болгары позабыли о тысячелѣтіи своего крещенія, изъ-за спора съ Греками, свидѣтельствующаго, между прочимъ о томъ, что народъ, который въ IX вѣкѣ разрѣшилъ просто и мирно, согласно съ началами человѣческаго равенства и любви, свои духовныя отношенія къ другому народу, можетъ ровно черезъ тысячу лѣтъ явиться въ томъ же вопросѣ представителемъ самыхъ низкихъ страстей корыстолюбія и эгоизма; этотъ споръ, я говорю, заставилъ Болгаръ позабыть 861 годъ, а мы имъ о немъ

не напомнили. Два раза и мы и другіе Славяне позабыли о Кириллѣ и Меѳодіи и не соединились для прославленія ихъ памяти. Не пропустимъ же третьяго срока, 1863 года, и не оставимъ западныхъ Славянъ однихъ праздновать тысячелѣтіе того событія, которое положило вѣнецъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Если съ одной стороны, событіе это,—крещеніе державы Великоморавской,—по мѣстности принадлежитъ исключительно Славянамъ западнымъ, то съ другой стороны, мы должны помнить, что не они, а мы, вмѣстѣ съ Сербами и Болгарами, сохранили наслѣдство трудовъ Кирилла и Меѳодія. Тамъ, на западѣ, исторія упразднила ихъ дѣло; народъ уже не знаетъ Славянскихъ письменъ, ими изобрѣтенныхъ; въ 1863 году западные Славяне хотятъ открыть въ Моравскомъ Градищѣ, гдѣ была столица Ростислава и архіепископскій престолъ Меѳодія, храмъ во имя своихъ апостоловъ: но въ храмѣ этомъ уже не раздастся то богослуженіе, какое они совершали; его совершатъ на языкѣ Латинскомъ, противъ котораго они боролись—столько лѣтъ, и въ борьбѣ этой истощили послѣднія силы своей многотрудной жизни! Но если, даже послѣ такого историческаго переворота, западные Славяне не остались неблагодарными къ памяти первоучителей своихъ, если они громко и

всенародно выражаютъ свое сочувствіе ихъ дѣлу, то можемъ ли мы, законные наслѣдники этого дѣла, на немъ со временъ Ольги и Владиміра основывающіе просвѣщеніе наше, остаться равнодушными и безучастными? Это было бы непростительно.

Въ другомъ письмѣ позвольте мнѣ развить нѣсколько подробнѣе мою мысль о необходимости участія нашего въ празднованіи тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія.

Письмо 2-е.

Я обѣщалъ поговорить съ вами въ этомъ письмѣ о томъ, почему намъ необходимо, въ будущемъ году, принять участіе въ празднованіи тысячелѣтней памяти Кирилла и Меѳодія. Но сперва я опять долженъ повести рѣчь о древности.

Въ первомъ письмѣ я упомянулъ вскользь о миссіи Кирилла и Меѳодія въ землю Козарскую (въ 858 году). На это событіе и его смыслъ ѳбращено, мнѣ кажется, слишкомъ мало вниманія. Поѣздка въ Козарію обыкновенно представляется какимъ-то постороннимъ эпизодомъ въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія: первая половина ихъ жизни принадлежитъ Македоніи и тамошнимъ Славянамъ (*), вдругъ они вырываются изъ этой среды и ѣдутъ миссіоне-

(*) Съ этою эпохою тѣсно связано и пребываніе Кирилла въ Цареградѣ, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе, и отшельничество Меѳодія на Олимпѣ, гдѣ онъ, въ монастырскомъ уединеніи, по выраженію житія, *прилежалъ книгамъ*, готовясь промѣнять поприще военное и правительственное на ту дѣятельность, которой себя уже посвятилъ его младшій братъ.

рами на берега Азовскаго моря къ какому-то Татарскому хану; потомъ возвращаются и продолжаютъ свое дѣло среди Славянъ, уже въ бо́льшихъ гораздо размѣрахъ, подъ офиціальнымъ покровительствомъ, въ Болгаріи и державѣ Велико-Моравской? Неужели это было такъ, и между тремя эпохами въ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія нѣтъ никакой внутренней связи?

Достовѣрно, что Козары были народомъ Тюрко-Татарской семьи, что языкъ ихъ былъ нарѣчіемъ Тюркскимъ. Извѣстно также, что православная Византія для проповѣди христіанства употребляла языкъ, народу понятный. Представляется вопросъ: могли ли Кириллъ и Меѳодій знать Козарскій языкъ? На это нѣтъ указанія (*), нѣтъ въ томъ ни малѣйшей вѣроятности. Гдѣ бы могли они изучить этотъ языкъ? не въ Солуни же и Македоніи, не въ Константинополѣ, у знаменитаго Фотія (**), не въ

(*) Въ житіи, правда, говорится, что Кириллъ, прибывъ въ Херсонъ, выучился бесѣдѣ и книгамъ *Жидовскимъ* и чтенію книгъ Самарянскихъ; но даже, если мы не примемъ это за гиперболу, то это значило только, что Кириллъ ознакомился съ священнымъ языкомъ той части Козаръ, которые исповѣдывали Іудейскую вѣру; Еврейскій же языкъ уже въ началѣ II-го вѣка (при Адріанѣ) совершенно вышелъ изъ употребленія даже въ самой Палестинѣ; позволительно ли думать, что онъ въ IX вѣкѣ могъ служить орудіемъ проповѣди у полудикаго народа въ степяхъ Придонскихъ? И на какомъ языкѣ сообщался Кириллъ съ Козарами-магометанами? Вѣдь, конечно, не на древне-Еврейскомъ.

(**) Впослѣдствіи патріарха; онъ былъ наставникомъ Кирилла.

монастырѣ Олимпійскомъ. Укажутъ, можетъ быть, на Болгарію, гдѣ пришлая Тюркская стихія наложила на Славянское населеніе государственную власть: но, во первыхъ, Болгарія открылась Кириллу и Меѳодію лишь по возвращеніи изъ Козарской миссіи, а главное, въ то время Тюркская стихія въ Болгаріи уже поглощена была Славянскою. Предполагать, что сношенія съ какими нибудь Болгарами въ Солуни и Константинополѣ могли вести къ знакомству съ Тюркскимъ языкомъ во второй половинѣ IX вѣка, значило бы то же самое, что предполагать, будто сношенія съ Русскими во времена Нестора познакомить могли съ языкомъ Норманнскимъ. Какимъ же образомъ годились Кириллъ и Меѳодій для миссіи къ кагану (*) Козарскому и его подданнымъ?

Мы знаемъ изъ древней лѣтописи Русской, что въ то время, когда жили Кириллъ и Меѳодій и когда возникало у Славянъ Новгородскихъ государство Рюрика, юго-восточная часть Славянъ въ нашемъ отечествѣ находилась подъ властію Козаръ; именно подъ 859 записано, что Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей (**). Славяне составляли въ державѣ хана Козарскаго стихію весьма значительную; если примемъ во вниманіе безплодность и неспособность къ заселенію степнаго про-

(*) Или хакану, т. е. хану.
(*) Власть ихъ простиралась и на Радимичей.

странства Прикаспійскаго, гдѣ сосредоточивалась собственно Козарская, Тюркская стихія, то мы скажемъ даже, что главная масса жителей ханства были Славяне, тѣмъ болѣе, что они, какъ видно изъ Арабскихъ писателей, простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ Несторовыхъ Сѣверянъ и Вятичей, по Дону и нижней Волгѣ и, кажется, жили колоніями и у Азовскаго моря (Тмуторакань).

Вообще, надобно помнить, что въ эту древнюю эпоху Югъ нынѣшней Россіи былъ несравненно болѣе Славянскимъ, чѣмъ впослѣдствіи. На то указываетъ сличеніе Арабскихъ свидѣтельствъ X вѣка съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ краѣ въ позднѣйшее время. На то указываетъ еще яснѣе Несторъ, когда онъ, въ повѣствованіи своемъ о древнѣйшихъ временахъ, говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ, что они простирались по Днѣстру до моря и имѣли тамъ свои города, тогда какъ позднѣе не видать уже въ этой странѣ Славянскихъ поселеній. О прочихъ данныхъ, подтверждающихъ то же самое, я для краткости не упоминаю. Съ VI вѣка мы замѣчаемъ сильный приливъ Славянской стихіи съ сѣвера на югъ, къ Черному морю и далѣе, къ Дунаю и за Дунай (см. Византійскихъ историковъ); отливъ начался только съ X вѣка, со времени вторженія Печенѣговъ и образованія Русскаго государства, въ которомъ тѣснимые дикими пришельцами Славяне находили убѣжище и возможность безпрепятственной колонизаціи на Сѣверъ. За Печенѣж-

скою волною послѣдовала волна Половецкая, за нею волна Татарская; Славянская стихія все болѣе и болѣе отливала къ Сѣверу и Сѣверо-Востоку и тамъ укрѣплялась и росла, оставляя степныя пространства Тюркскимъ кочевникамъ. Но не таково еще было положеніе Черноморскихъ странъ въ половинѣ IX вѣка, во время путешествія Кирилла и Меѳодія. Они тамъ были за полстолѣтія до вторженія Печенѣговъ; въ Черноморскихъ странахъ властвовали Козары, отличавшіеся отъ другихъ Тюркскихъ пришельцевъ человѣчностью и относительною образованностью; Славяне, которые подчинялись имъ, какъ видно, безъ особеннаго сопротивленія, не были еще принуждены бѣжать изъ этихъ мѣстъ, и поселенія ихъ, по всей вѣроятности, были весьма значительны въ краяхъ, черезъ которые пролегалъ путь изъ Константинополя и Херсона къ ставкѣ хакана Козарскаго. А сверхъ того, возможно ли предполагать, чтобы и среди собственныхъ Козаръ не было много Славянъ, промышленниковъ, торговцевъ, плѣнныхъ, а можетъ быть и служилыхъ людей?

Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Козарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, Славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ (*). Вотъ стало быть, посредствующее звено между обоими государствами, — элементъ Славянскій; вотъ языкъ,

(*) Разумѣется, въ Европейской части имперіи.

на которомъ Византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать Евангеліе при дворѣ хана Хазарскаго и между его подданными, — языкъ Славянскій; вотъ почему для миссіи въ Козарію избраны были люди, посвятившіе себя обращенію Славянъ, люди, которые несли съ собою Славянскія письмена и Славянскій переводъ Евангелія (*). Иначе эта миссія казалась бы мнѣ не только необъяснимою, но даже безцѣльною. Въ моихъ глазахъ, поѣздка Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ предполагаетъ непремѣнно, что они предварительно сдѣлались извѣстными въ Константинополѣ попыткою передать ученіе Христово на языкѣ Славянскомъ, и это, скажу мимоходомъ, служитъ для меня новымъ и весьма сильнымъ подкрѣпленіемъ моей мысли, что изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ совершилось прежде поѣздки въ Козарію, т. е. до 858 года. Извѣстно, что Кириллъ записалъ (разумѣется, по Гречески) содержаніе преній съ Магометанами и Евреями у Козаръ, и что Меѳодій перевелъ это сочиненіе по-Славянски: къ чему бы служилъ такой переводъ, если бы Меѳодій не имѣлъ въ виду оставить Козарамъ, исповѣдывавшимъ частію магометанство, частію іудейство, и

(*) На это есть даже положительное указаніе въ одномъ древнемъ прологѣ, гдѣ сказано, что Кириллъ упросилъ Меѳодія сопутствовать ему къ Козарамъ, *зане умѣяше языкъ Словѣньскъ* (Бодянск. о вр. происх. Слав. письменъ 73). Разумѣется, однако, что это мѣсто не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, будто самъ Кириллъ не зналъ по Славянски.

подвластнымъ имъ Славянамъ, на письмѣ доводы, которыми Кириллъ въ бесѣдахъ и преніяхъ своихъ опровергалъ ученіе муллъ и раввиновъ? Вѣдь переводъ такого сочиненія для другихъ Славянъ, особенно въ ту эпоху, не имѣлъ бы никакой цѣли, и конечно Меѳодій не взялся бы за него впослѣдствіи, ни въ Болгаріи, гдѣ ему приходилось проповѣдывать христіанство язычникамъ (и отчасти, можетъ быть, противодѣйствовать христіанскимъ же, но еретическимъ толкамъ), ни въ Моравіи, гдѣ опять-таки нужна была не полемика съ Жидами и Магометанами, а работа для искорененія языческихъ вѣрованій и борьба съ Западнымъ духовенствомъ.

Во всякомъ случаѣ, я считаю несомнѣннымъ то, что Кириллъ и Меѳодій посланы были въ Козарію не только какъ знатоки христіанскаго богословія вообще, а именно какъ люди, спеціально приготовленные къ дѣятельности миссіонеровъ *между Славянами*. Козарская миссія не была постороннимъ эпизодомъ въ жизни апостоловъ Славянскихъ; официально назначенная для кагана и его степной, Тюркской орды, она въ сущности опиралась на Славянской стихіи, подвластной этой ордѣ. При дворѣ кагана успѣхъ былъ не великъ; Козары остались частію іудеями, частію магометанами: но кто знаетъ, не запало ли родное слово проповѣдниковъ Славянскихъ гораздо глубже въ душу тѣхъ Славянъ, которыхъ они встрѣчали во время своего пребыванія въ нынѣшней южной Россіи? Весьма понятно, что даже современники, не говоря о потом-

кахъ, не замѣчали значенія завоеванной Славянской стихіи въ краѣ, который носилъ тогда названіе Козаріи и, по господствующему племени, людямъ постороннимъ казался точно землею Козарскою; мы знаемъ не мало подобныхъ случаевъ не только въ древней, но и въ новѣйшей исторіи. Однако какимъ образомъ вы объясните то замѣчательное преданіе, что Кириллъ, во время путешествія въ Козарію, нашелъ Евангеліе и Псалтирь, писанныя *Русскими* письменами, и «человѣка обрѣтъ глаголюща тою (т. е. Русскою) бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладая различіе письменъ, гласная и согласная, и къ Богу молитву держа, вскорѣ начатъ чисти и сказовати (т. е. читать и говорить)?» Преданіе это, какъ извѣстно, подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но, по моему мнѣнію, оно есть не болѣе, какъ перешедшее въ область легенды воспоминаніе о томъ, что Кириллъ встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ Русскимъ (*) Славяниномъ (или, вѣрнѣе, съ Русскими Славянами) и готовясь въ Херсонѣ къ поѣздкѣ въ Козарскія владѣнія, ста-

(*) Разумѣется, Русскими эти Славяне въ то время еще не назывались, и я употребляю это названіе только для краткости, вмѣсто того, чтобы говорить: „юговосточные Славяне, принявшіе потомъ наименованіе Русскихъ.“ Если же въ древнемъ житіи Кирилла говорится о Русскихъ, то это произошло, очевидно, оттого, что во время составленія житія названіе „Русь, Рушьскый“ было уже общеизвѣстнымъ.

рался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныхъ книгъ къ языку подвластныхъ Козарамъ Славянъ: а это, разумѣется, въ ту эпоху, было еще весьма и легко (*); Херсонъ же, какъ

(*) Въ какомъ нибудь другомъ, болѣе буквальномъ смыслѣ (напримѣръ, что у тогдашнихъ Черноморскихъ Славянъ уже существовалъ переводъ Евангелія и Псалтири, писанный, на примѣръ, глагольскими буквами, какъ думали нѣкоторые), я не могу принять этого сказанія. Полный разборъ вопроса увлекъ бы меня слишкомъ далеко. Укажу только на то, что въ житіи Кирилла, все вообще мѣсто, гдѣ находится приведенное извѣстіе, носитъ на себѣ очевидный отпечатокъ легенды: непосредственно передъ тѣмъ говорится, что онъ выучился въ Херсонѣ языку и книгамъ жидовскимъ, „переложилъ“ (перевелъ) восемь частей грамматики (должно быть, Еврейской), выучился также книгамъ Самарянскимъ; а за приведенными словами о Русскихъ книгахъ слѣдуетъ разсказъ о чудесномъ обрѣтеніи въ морѣ мощей св. Климента. Не ясно ли, что когда писалось житіе, историческая дѣятельность Кирилла въ Херсонѣ уже начинала облекаться въ образъ легенды? Это тѣмъ болѣе естественно, что житіе было составлено въ Моравіи или Панноніи: могли ли въ этихъ странахъ свѣдѣнія о дѣятельности проповѣдниковъ Славянскихъ на отдаленномъ Востокѣ сохранить историческую точность? Могла ли встрѣча Кирилла съ Русскими Славянами и ознакомленіе его съ ихъ нарѣчіемъ, — фактъ весьма простой, но который именно въ исторической простотѣ своей долженъ былъ казаться непонятнымъ въ Моравіи, потому что тамъ едва ли кто подозрѣвалъ значеніе Славянской стихіи въ землѣ Козарской, — могъ ли такой фактъ представиться Моравскому жизнеописателю иначе, какъ въ видѣ какого-то чуда, какъ сверхъестественное проявленіе благодати Божіей? Догадка Шафарика, что Русскій, съ которымъ бесѣдовалъ Кириллъ, былъ Готѳъ, такъ мало соотвѣтствуетъ общему смыслу извѣстія, что я о ней не говорю; да и возмож-

важнѣйшій городъ Черноморской страны, какъ значительный торговый центръ, не могъ не представить случая къ такому приготовленію. — Недаромъ также на Руси столь упорно держалось мнѣніе, что Кириллъ изобрѣлъ грамоту *для Русскихъ*, что онъ на Русскій языкъ переложилъ священныя книги: это мнѣніе имѣло тоже основаніе, какъ и то, что грамота Славянская изобрѣтена для Моравіи: Кириллъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами, которые, нѣсколько лѣтъ спустя, стали именоваться Русью, точно также какъ онъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами Моравскими: и тѣ и другіе, естественно, могли приписать себѣ ту славу, что они были первоначальными, такъ сказать, виновниками его великаго дѣла.

Еще важнѣе Русскаго преданія въ этомъ отношеніи легенда Византійская, которая прямо связываетъ дѣло Кирилла съ Русскою землею. Въ этой легендѣ (*) разсказывается *первое* крещеніе Руси, бывшее (кажется въ 867 году) при Византійскомъ императорѣ Василіѣ Македонянинѣ. Самое событіе, т. е. принятіе христіанства нѣкоторыми людьми на Руси въ то время, когда княжили въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ, — самое событіе, я говорю, совершенно

но ли, чтобы Моравскій Славянинъ, писавшій житіе Кирилла, когда Славянская Русь уже существовала на Днѣпрѣ, подъ именемъ Русскаго разумѣлъ не Русскаго, а Гота?

(*) Anonymus Bandurii.

достовѣрно: оно утверждается свидѣтельствомъ современнымъ и неопровержимымъ, окружнымъ посланіемъ патріарха Фотія и другими показаніями. Въ легендѣ оно представлено съ подробностями, которыя частью упоминаются и другими писателями, разсказывающими о томъ же событіи, а частью заимствованы изъ преданій о послѣдующемъ крещеніи Руси при Владимірѣ; но вотъ чѣмъ легенда особенно замѣчательна. Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ въ своемъ окружномъ посланіи, что недавно передъ тѣмъ (т. е. именно около 867 года) къ Руссамъ посланъ былъ епископъ и что между ними водворилось христіанское богослуженіе; а легенда развиваетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: «Императоръ Василій Македонянинъ отправилъ къ Руссамъ архіерея, человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, и съ нимъ двухъ мужей, Кирилла и Аѳанасія (не ошибка ли, вмѣсто Меѳодія?), также замѣчательныхъ добродѣтелью и мудростью, и не только исполненныхъ знанія священныхъ книгъ, но и отличавшихся внѣшнею (т. е. свѣтскою) образованностью; они, прибывши туда, стали учить и крестить всѣхъ и приводить къ христіанскому благочестію. Находя же этотъ народъ совершенно варварскимъ и дикимъ, поименованные мужи не были въ состояніи обучить его 24-мъ Греческимъ письменамъ, и потому, опасаясь, чтобы онъ не уклонился снова отъ благочестія, изобрѣли для него тридцать пять письменъ и научили его этимъ буквамъ; названія ихъ слѣдующія: азъ, буки и проч. (слѣдуетъ

исчисленіе Славянскихъ буквъ).» Все это, разумѣется, не исторія, а легенда; но часто легенда хранитъ забытые слѣды исторіи, и въ этомъ смыслѣ я считаю приведенный разсказъ Византійца весьма знаменательнымъ. По моему мнѣнію, въ немъ выражается, спутавшееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій, воспоминаніе о миссіи Кирилла и Меѳодія въ Черноморскія страны и о томъ, что отъ нихъ тогда получили Славяне въ нашемъ отечествѣ первые начатки грамотности и христіанства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ Козаріи, положеніе тамошнихъ Славянъ измѣнилось. Часть этихъ Славянъ промѣняла подданство хакану Козарскому на власть новыхъ пришельцевъ съ далекаго сѣвера. Варяги Аскольдъ и Диръ стали княжить въ Кіевѣ. Эти удалые витязи поплыли на Константинополь и осадили его; ихъ попытка не удалась, корабли ихъ были разсѣяны бурею. А вскорѣ за тѣмъ къ Греческому императору пріѣзжаетъ изъ Русской земли мирное посольство, съ извѣщеніемъ, что Руссы желаютъ креститься. Къ нимъ, какъ я сказалъ, отправляютъ епископа, и христіанство начинаетъ водворяться на Руси. Наши, но довольно поздніе, источники утверждаютъ, что крестился и самъ князь Кіевскій Аскольдъ, и хотя о томъ умалчиваетъ лѣтопись Несторова, однако, какъ она вообще не упоминаетъ о тогдашнемъ крещеніи Руси,— засвидѣтельствованномъ впрочемъ достовѣрными современными показаніями, — то это можетъ быть

приписано только случайному забвенію факта; да и въ самой Несторовой лѣтописи есть такое извѣстіе, которое объясняется только тѣмъ, что Аскольдъ сдѣлался христіаниномъ (*). Потомъ является Олегъ какъ бы представителемъ языческой реакціи между Южно-Русскими Славянами. Но уже при Игорѣ христіанство на Руси почти равносильно язычеству (**), уже при Игорѣ есть въ Кіевѣ соборная церковь. Эти послѣдніе факты, при отсутствіи въ то время на Руси какихъ либо внѣшнихъ побужденій или посторонніхъ усилій въ пользу христіанской вѣры (***), не могли развиться вдругъ, и непремѣнно предполагаютъ многолѣтнее, постепенное возрастаніе въ народѣ христіанства, со времени перваго крещенія при Аскольдѣ; они предполагаютъ также, что это первое крещеніе было болѣе, чѣмъ мимолетною прихотью какого нибудь правителя (Аскольдъ же и погибъ вскорѣ), и что были въ самомъ народѣ люди, которые, принявъ новую вѣру, стали ея держаться даже при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Какъ же намъ судить объ этомъ первомъ крещеніи Руси, совершившемся при Аскольдѣ, около 867 года, менѣе

(*) Именно, что надъ его могилою построена была церковь.

(**) См. договоръ Игоря съ Греками.

(***) Правители были язычники; иностранныхъ проповѣдниковъ Евангелія на Руси, сколько мы знаемъ, тогда не было.

десяти лѣтъ спустя послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ странахъ Черноморскихъ? Должны ли мы предполагать, что между этими двумя событіями не было никакой связи, что мысль принять христіанство явилась вдругъ, какъ нибудь случайно, Аскольду или кому либо другому на Руси, послѣ неудачнаго похода на Константинополь, можетъ быть для того, чтобы задобрить Грековъ (хотя они, впрочемъ, были неопасны для Русскихъ и не могли помышлять о мщеніи)? Или же событіе это было плодомъ предварительнаго знакомства Южно-Русскихъ Славянъ съ христіанствомъ, плодомъ путешествія апостоловъ Славянскихъ въ Козарскую державу, гдѣ они, по словамъ житія, обратили 200 человѣкъ и выхлопотали у кагана свободу христіанскаго вѣроисповѣданія въ его областяхъ? И если, какъ весьма вѣроятно, принялъ христіанство самъ Варяжскій князь Аскольдъ, то не было ли его рѣшеніе послѣдствіемъ того, что онъ нашелъ уже между Славянами Приднѣпровскими исповѣдниковъ новой религіи, и ихъ-то можетъ быть надѣялся сдѣлать опорою новаго порядка вещей, созданнаго у этихъ Славянъ Варяжскими пришельцами? Я ставлю эти вопросы, но не берусь отвѣчать на нихъ, и не знаю данныхъ для ихъ рѣшенія. Скажу только, что второе предположеніе, т. е. что крещеніе Руси при Аскольдѣ имѣло прямую связь съ предшествовавшею проповѣдью Кирилла и Меѳодія въ Козарскихъ владѣніяхъ, кажется мнѣ, на сколько могу судить при тѣхъ данныхъ, кото-

рыми мы теперь располагаемъ, наиболѣе естественнымъ и потому наиболѣе вѣроятнымъ (*).

Во всякомъ случаѣ, признаемъ ли мы, что христіанство на Руси ведетъ свое начало непосредственно отъ личнаго дѣйствія Кирилла и Меѳодія въ южномъ краѣ нашего отечества, или отвергнемъ эту мысль,—историческій фактъ остается несомнѣненъ: Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали Славянамъ въ нашемъ отечествѣ, и именно Славянская стихія въ державѣ кагана Козарскаго обусловливала ихъ миссію въ этотъ дальній край.

Въ первомъ моемъ письмѣ я говорилъ, что Россія вмѣстѣ съ Сербами и Болгарами есть наслѣдница дѣла Кирилла и Меѳодія, того дѣла, для котораго они трудились преимущественно между Славянами Западными, но котораго Западные Славяне не въ силахъ были отстоять отъ враговъ. По мысли и духу, Кириллъ и Меѳодій принадлежатъ намъ, и безъ насъ давно, давно не осталось бы помину о Славянской грамотѣ, Славянскомъ бого-

(*) Замѣчательно, что въ древнѣйшей, дошедшей до насъ, Русской проповѣди, въ словѣ Иларіона о законѣ и благодати, великій князь Владиміръ нѣсколько разъ названъ *каганомъ*: я умѣю объяснить себѣ употребленіе этого иноземнаго и неовѣрческаго титула въ *церковномъ* сочиненіи Русскаго проповѣдника, писавшаго свою „похвалу кагану нашему Владимеру“ въ такое время, когда о дѣйствительномъ Козарскомъ вліяніи не могло быть и помину,—я умѣю объяснить себѣ это только при томъ предположеніи, что титулъ государей Козарскихъ уже освященъ былъ на Руси церковнымъ преданіемъ; а это вело бы церковное преданіе Руси прямо къ проповѣдникамъ у Козарскаго кагана, къ Кириллу и Меѳодію.

служеніи, о духовной самобытности Славянъ, обо всемъ томъ, чему посвятили жизнь свою первые просвѣтители Славянскихъ народовъ. Но, признавая себя, по мысли и духу, наслѣдниками дѣла Кирилла и Меѳодія, мы привыкли считать ихъ, въ матеріальномъ, такъ сказать, смыслѣ, чуждыми землѣ нашей; придерживаясь нѣсколько односторонняго взгляда Западныхъ Славянъ на ихъ дѣятельность, мы привыкли думать, что при жизни своей Кириллъ и Меѳодій не имѣли случая дѣйствовать на Славянъ Восточныхъ, на предковъ *нашего* народа, что слово Кирилла и Меѳодія вовсе ихъ не коснулось. На Западѣ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, прикрывающіе исторіею цѣли политическо-религіозныя (Штульцъ, Гинцель и др.), старались все болѣе и болѣе съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и присвоить ее единственно Славянамъ Западнымъ, нынѣ принадлежащимъ къ церкви Латинской; а съ другой стороны, ученые, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, каковы Шафарикъ, Ганушъ, у насъ Макарій, Филаретъ, Бодянскій, и др., вывели тотъ же результатъ изъ безпристрастныхъ, строго научныхъ, изысканій, въ которыхъ они однакоже, можетъ быть, слишкомъ исключительно сосредоточивались на буквѣ того или другаго древняго сказанія, всегда болѣе или менѣе односторонняго. Въ недавнее еще время полагали, на основаніи сличенія всѣхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія начиналась среди Славянъ Ма-

гкедонскихъ, что за тѣмъ ею воспользовалась Болгарія въ собственномъ смыслѣ, и что наконецъ она перенесена была на Западъ, въ Моравію и Пандонію, откуда коснулась, съ одной стороны, Хорватіи и Далмаціи, съ другой Чехіи и южной части Польши: таковъ былъ и первоначальный взглядъ Шафарика; въ послѣдствіи же, придерживаясь исключительно текста Паннонскихъ житій, ученые, въ томъ числѣ и самъ Шафарикъ, стали утверждать, что Кириллъ и Меѳодій единственно для Западныхъ Славянъ изобрѣли письмена и перевели священное писаніе, только ихъ, при жизни своей, имѣли въ виду. Изъ представленныхъ мною въ первомъ письмѣ соображеній вы могли, надѣюсь, убѣдиться, какъ мало такой взглядъ согласенъ и съ древними свидѣтельствами и съ общимъ ходомъ событій и съ указаніями языка. Но мало того, что слѣдуетъ возвратиться къ прежнему мнѣнію и поставить Македонію и Болгарію на ряду съ землями Западныхъ Славянъ въ кругу апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія; надобно въ этотъ кругъ включить и Славянъ Восточныхъ, принявшихъ потомъ вназваніе Руси; надобно признать, что и Русскій Славянинъ, вмѣстѣ съ Славяниномъ Македонскимъ и Болгарскимъ, вмѣстѣ съ Моравцемъ, Чехомъ и Полякомъ, былъ призванъ къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ этомъ, на сколько я понимаю сохранившіяся свидѣтельства, сомнѣнія быть не можетъ, и вопросъ заключается только въ томъ: сохранилось ли уче-

ніе просвѣтителей Славянскихъ на Руси преемственно и было непосредственнымъ источникомъ той христіанской жизни у Славянъ Южно-Русскихъ, которая, нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди апостоловъ Славянскихъ въ южныхъ предѣлахъ земли нашей, проявилась первымъ крещеніемъ Руси при Аскольдѣ, и которую мы потомъ видимъ значительно развитую при Игорѣ,—или же дѣло Кирилла и Меѳодія изчезло безслѣдно послѣ ихъ отъѣзда изъ Козаріи и возстановлено было въ тѣхъ краяхъ новыми проповѣдниками (*).

Я упоминалъ о томъ, какъ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, частью изъ цѣлей полемическихъ, частью на основаніи ученаго, но едва ли достаточно всесторонняго разбора древнихъ текстовъ,—хотѣли съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и присвоить ее исключительно Западно-Славянскимъ землямъ. На этомъ не остановились; иные пошли далѣе и сдѣлали попытки отнять у Кирилла и Меѳодія то, чѣмъ Русь, Сербы, Болгары въ теченіе вѣковъ считаютъ себя имъ обязанными: письмена, называемыя кирилловскими, и

(*) Даже въ этомъ послѣднемъ предположеніи, которое, какъ мнѣ кажется, менѣе вѣроятно, вліяніе Кирилла на Русь не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію: ибо какъ епископа для Руси, по просьбѣ тамошнихъ правителей, долженъ быть назначить патріархъ Фотій, то онъ, наставникъ и другъ изобрѣтателя Славянской грамоты, устроителя Славянскаго богослуженія; едва ли бы отправилъ проповѣдникомъ къ новообращавшемуся Славянскому народу кого нибудь другаго, какъ не ученика его. Кириллъ же былъ тогда еще въ живыхъ.

тотъ переводъ священныхъ книгъ, который послужилъ основаніемъ богослуженія и исходной точкой литературы у всѣхъ Славянъ, принадлежащихъ къ восточной Церкви. Вмѣсто *этого* дѣла, стали приписывать Кириллу и Меѳодію грамоту, извѣстную подъ именемъ *глагольской*, которая по причинѣ своего неудобства и безобразія не могла имѣть ходу между Славянами и состояла, съ половины XIII вѣка, подъ особеннымъ покровительствомъ Римскаго двора. Это мнѣніе очевидно можетъ служить орудіемъ политическо-религіознымъ; не даромъ оно, ведя свое начало отъ глубоко-ученаго, но, можетъ быть, не совсѣмъ чуждаго подобныхъ стремленій Копитара, принято на вѣру писателями, защищающими у Западныхъ Славянъ Римскіе интересы. Но теперь мнѣніе это стоитъ въ наукѣ не только какъ посторонняя ей гипотеза: нѣтъ, оно явилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подкрѣпленное всею силою авторитета Шафарика, который посвятилъ ему свое послѣднее сочиненіе (писанное почему-то, вопреки его прежнему обыкновенію, по-Нѣмецки). Такимъ образомъ, предположеніе, что первоучителямъ Славянскимъ принадлежитъ не наша письменность, а письменность глагольская, получило большую важность: оно важно въ двоякомъ смыслѣ: и какъ вопросъ чисто-ученый, отъ рѣшенія котораго многое зависитъ въ пониманіи древней исторіи и литературы Славянской, и какъ вопросъ, такъ сказать, народный, вопросъ о томъ, имѣло ли духовное просвѣщеніе одинъ общій источникъ, однихъ родоначальниковъ у всѣхъ

Славянскихъ народовъ, или же Русь, Болгарія, Сербія, однимъ словомъ православный Славянскій міръ былъ съ самаго начала въ раздвоеніи съ Славянами Западными, а люди, которыхъ всѣ Славяне привыкли считать своими общими просвѣтителями, въ дѣйствительности послужили только Славянамъ Латинской церкви, и то неудачною попыткою самостоятельной письменности?

Еслибы послѣднее предположеніе, на основаніи доводовъ Шафарика, было признано вѣрнымъ, то мы не имѣли бы никакого права и никакой надобности признавать Кирилла и Меѳодія своими; мы должны бы были бросить мысль, что намъ нужно, въ память общаго начала просвѣщенія Славянскаго, соединиться съ Западными Славянами на тысячелѣтнюю годовщину Кирилла и Меѳодія; мы могли бы оставить ихъ однихъ праздновать въ будущемъ году тысячелѣтіе изобрѣтенія глаголицы, которою никто не пишетъ и которая доживаетъ свой безплодный вѣкъ въ уголкѣ Хорватскаго приморья и въ Славянскомъ институтѣ, состоящемъ при Римской коллегіи пропаганды.

Такимъ образомъ, въ виду готовящагося у Западныхъ Славянъ празднества Кириллова, насъ останавливаетъ вопросъ о глаголицѣ: необходимо, чтобы и люди, не охотно углубляющіеся въ отвлеченные ученые споры, но которыхъ занимаютъ интересы Славянскіе, дали себѣ отчетъ въ томъ: справедливо ли, что Кириллъ и Меѳодій были творцами нашей, называемой кирилловскою, гра-

моты и письменности нашей, что грамота и письменность наши были первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, или это есть старый предразсудокъ и заблужденіе?

Вотъ почему, не смотря на всю сухость темы, я рѣшаюсь представить вамъ основныя положенія этого вопроса. Я постараюсь показать вамъ его, по возможности, со всѣхъ сторонъ, чтобы въ такомъ предметѣ, отъ пониманія котораго зависитъ весь взглядъ нашъ на значеніе Кирилла и Меѳодія, весь смыслъ ихъ дѣла,—чтобы въ такомъ предметѣ не устранить никакого, сколько нибудь значительнаго обстоятельства. Разумѣется, я долженъ буду ограничиться только самыми существенными чертами: задача, можетъ быть, довольно трудная —изложить въ тѣсныхъ предѣлахъ газеты ученый споръ, для котораго нужна бы была цѣлая монографія. Но дѣлать нечего: приступимъ къ этой задачѣ въ газетѣ, когда рѣшеніе вопроса намъ нужно, а въ книгахъ онъ не рѣшенъ. Прошло уже четыре года, какъ Шафарикъ и Ганушъ освятили своимъ ученымъ авторитетомъ мнѣніе объ изобрѣтеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ письма глагольскаго, и до сихъ поръ никто между Западными Славянами не представилъ серьезнаго возраженія. У насъ Шафарику возразилъ весьма дѣльно и обстоятельно г. Викторовъ; но его цѣль была исключительно—критика доводовъ Шафарика, а не полное обсужденіе вопроса, и къ сожалѣнію, его ученыя статьи прошли въ Русской литературѣ почти незамѣченными, а другимъ

Славянамъ, кажется, даже вовсе неизвѣстны. Такимъ образомъ перевѣсъ остается до сихъ поръ рѣшительно на сторонѣ глаголитскаго ученія, особенно у Западныхъ Славянъ: теорія Шафарика и Гануша является, въ настоящее время, какъ послѣдній выводъ науки; неспеціалисты принимаютъ ее со словъ ученыхъ. А что, если теорія окажется не выводомъ науки, а плодомъ софизмовъ? Но къ дѣлу.

1. Извѣстно, что кирилловская азбука состоитъ изъ 24 буквъ Греческаго алфавита и прибавленныхъ къ нимъ знаковъ для звуковъ, чуждыхъ Греческому языку и свойственныхъ Славянскому, и что азбука глагольская, вполнѣ соотвѣтствуя кириллицѣ системой выраженія звуковъ и порядкомъ буквъ, отличается отъ нея только оригинальнымъ, весьма вычурнымъ, ихъ начертаніемъ. Есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы Кириллъ, Грекъ родомъ (*) и

(*) Называя Кирилла и Меѳодія Греками, я этимъ однакоже не рѣшаю, происходили ли они отъ Эллинской или, можетъ быть, отъ Славянской крови. Вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія и едва ли можетъ быть рѣшенъ при извѣстныхъ намъ данныхъ. Одно краткое житіе прямо называетъ Кирилла Болгариномъ (это то самое житіе, въ которомъ находится замѣчательное свидѣтельство о *Брегальницѣ*, — краѣ Македоніи, — какъ той мѣстности, гдѣ Кириллъ сталъ впервые проповѣдывать Славянамъ и принялся за составленіе для нихъ книгъ: житіе это, найденное мною въ Призренѣ (напечатано въ VI т., 5 выпускѣ

воспитаніемъ, выросшій и начавшій свою дѣятельность среди такихъ Славянъ, часть которыхъ уже обращена была Греками и пользовалась Греческимъ

Извѣстій II отд. Акад. Наукъ). Такое показаніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и можетъ быть согласовано съ другими источниками, гдѣ Кириллъ и Меѳодій названы Греками. Достовѣрно то, что они были сыновья человѣка, занимавшаго важную военную должность въ Солуни, городѣ, который служилъ въ ту эпоху убѣжищемъ и средоточіемъ Греческой стихіи въ Македоніи. Достовѣрно то, что Кириллъ (Константинъ) еще въ молодости былъ взятъ къ Константинопольскому двору и тамъ получилъ образованіе; достовѣрно то, что Меѳодій занималъ высшую еще, чѣмъ его отецъ, военно-правительственную должность. Такимъ образомъ, если и можно допустить предположеніе, что въ жилахъ Кирилла и Меѳодія текла Славянская кровь, то все-таки они уже не были Славяне, а Византійцы. Подобныхъ примѣровъ мы знаемъ много, особенно въ первые вѣка Византійскаго государства: императоръ Юстиніанъ,—также, по всей вѣроятности, Велисарій,—патріархъ Никита въ VIII вѣкѣ, императоръ Василій Македонянинъ, современникъ Кирилла и Меѳодія, и др.—Славяне по происхожденію, люди эти однако вполнѣ принадлежатъ Греческой Византіи. И такъ, относительно Кирилла и Меѳодія, мы въ правѣ признать *возможнымъ* и до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что и они, какъ поименованныя мною лица и многіе другіе знатные Византійцы, были Славянскаго происхожденія; мы должны признать *достовѣрнымъ*, что Славянскій языкъ они знали какъ свой родной, еще когда жили въ отцовскомъ домѣ въ Солуни (на это указываетъ и древнее житіе); но съ

алфавитомъ, не пришелъ къ простой мысли—организовать этотъ алфавитъ примѣнительно къ Славянскимъ звукамъ (*), а вмѣсто того вздумалъ замѣнять готовыя и уже извѣстныя Славянамъ буквы а, в, г, д, и проч. новыми, странными начертаніями? Воспитанникъ энциклопедически-ученаго Фотія, онъ не могъ не знать о томъ, какъ одна и та же историческая азбука переходила, совершенствуясь, отъ народа къ народу; онъ не могъ не знать изъ церковной исторіи объ Ульфилѣ,

другой стороны, мы должны признать *достовѣрнымъ* и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ *народу* Славянскому, что они были и считали себя Греками. Было бы крайнею несправедливостью, на основаніи догадки о Славянскомъ происхожденіи Кирилла и Меѳодія, отнимать у Греческой Византіи ихъ великій, безсмертный подвигъ для Славянъ. Подвигъ этотъ принадлежитъ Греческой Византіи, въ средѣ которой Кириллъ и Меѳодій родились и выросли, которая дала имъ образованіе, которая воспитала въ нихъ духъ древняго христіанскаго апостольства: надобно помнить, что Византія, подъ корою бездушія и разврата языческаго Рима и среди начинавшихъ пробиваться въ ней новыхъ ростковъ эгоистической національной исключительности Эллинской, еще хранила въ то время чистую струю христіанскаго братства, всеобъемлющей христіанской любви.

(*) По этому самому, защитники глаголитской теоріи *непремѣнно* отвергаютъ всю, предшествовавшую пріѣзду въ Моравію, дѣятельность Кирилла и Меѳодія между Славянами. Въ первомъ письмѣ я старался показать ложность такого взгляда.

который, въ тѣхъ же почти мѣстахъ, гдѣ онъ самъ готовился дѣйствовать, примѣнилъ Греческую же азбуку къ потребностямъ языка Готовъ.

2. Азбука кирилловская, какъ *первый* изобрѣтенный алфавитъ Славянскій, имѣетъ характеръ совершенно раціональный: историческая, основная часть ея, азбука Греческая, оставлена при томъ же расположеніи буквъ, какое въ ней было, не смотря на видимый ихъ безпорядокъ; изъ буквъ прибавочныхъ, близкія по звуку къ Греческимъ поставлены подлѣ ихъ, б передъ в, ж и s (читалось первоначально какъ дз) (*) предъ з, всѣ остальныя помѣщены послѣ Греческихъ буквъ, а на самый конецъ отнесены тѣ знаки (**), которые сохранены какъ наслѣдство Греческой азбуки, но для Славянскаго языка вовсе не пригодны. Глагольская азбука, какъ я сказалъ, совпадаетъ съ кириллицей, какъ относительно поряд-

(*) Замѣчу кстати, что буква s имѣетъ значеніе *только* для нарѣчій Македонскихъ Болгаръ: они до нынѣ выговариваютъ не *з*, а *дз*, гдѣ въ древнѣйшихъ Кирилловскихъ памятникахъ пишется *зѣло*, на пр. дзвѣзда, бладзѣ, т. е. благо и т. п. Присутствіе этой буквы въ глаголицѣ,—носящей на себѣ, какъ лучше всѣхъ показалъ самъ Шафарикъ, отпечатокъ Западнаго происхожденія, и гдѣ потому самому такая буква была совсѣмъ не нужна,—подтверждаетъ то, что глаголица е ть сколокъ съ Кирилловской азбуки. Разумѣется это *дз*, которое изображалось древнимъ *зѣло*, не имѣетъ ничего общаго съ Польскимъ и Бѣлорусскимъ смягченнымъ *дз*, позднѣйшею формаціею изъ звука *д*.

(**) Кси, пси, ѳита, ижица.

ка буквъ, такъ и самой системы выраженія звуковъ. И того и другаго нельзя бы было объяснить, если бы она была созданіемъ первоначальнымъ и самобытнымъ, а не сколкомъ съ готовой уже азбуки кирилловской; иначе изобрѣтатель, позволивъ себѣ полный разгулъ фантазіи въ начертаніи буквъ, никакъ не сталъ бы въ расположеніи ихъ придерживаться того порядка, который имѣетъ смыслъ только при сохраненіи самой азбуки, гдѣ этотъ порядокъ образовался исторически, а въ системѣ выраженія звуковъ онъ, конечно, позволилъ бы себѣ бо̀льшія отступленія отъ Греческой, нежели сколько могъ желать тотъ, кто примѣнялъ Греческій алфавитъ къ нуждамъ языка Славянскаго. Какъ сколокъ съ кириллицы, глагольская азбука получаетъ смыслъ; какъ алфавитъ, самостоятельно изобрѣтенный, она не мыслима (*).

3. Относительно выраженія буквами цифръ, кирилловская азбука придерживается *исторической* системы, завѣщанной Греками, такъ что новыя, исключительно Славянскія, буквы, въ ней не выражаютъ цифръ (*а* значитъ 1, *в*—2, *г*—3 и т. д.); глагольская азбука придерживается системы *логической*, цифры изображаются буквами подъ-рядъ (а-1, б—2, в—3, г—4 и т. д.). Есть ли малѣйшій смыслъ въ томъ предположеніи, что послѣдняя система предшествовала у Славянъ первой, что отъ новаго, логиче-

(*) Это ужъ было ясно сознано и выражено ученымъ и безпристрастнымъ Нѣмцемъ Шлейхеромъ.

скаго порядка въ соотвѣтствіи цифръ буквамъ, вздумали возвратиться къ старому, историческому?

4. Въ глагольской азбукѣ противъ кирилловской прибавлена только одна буква, именно смягченное *д* (такъ называемое *дервъ*): этотъ звукъ составляетъ существенный признакъ нарѣчія Славянъ Приадріатическихъ, которые съ весьма древнихъ временъ включили для него начертаніе и въ кириллицу; а извѣстно, что Кириллъ именно между этими Славянами никогда не жилъ и стало быть на ихъ нарѣчіи не могъ писать; въ нарѣчіи же Славянъ Македонскихъ, которое было для Кирилла какъ родное (*), это смягченное *д* не существуетъ.

5. Самое древнее, полное и достовѣрное свидѣтельство, какое существуетъ объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ, сказаніе Храбра, указываетъ именно на кириллицу, какъ на ту азбуку, которую изобрѣлъ Кириллъ. Тамъ говорится, что «Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, сотворилъ Славянамъ письмена, 38 числомъ, одни *по чину Греческихъ письменъ, другія же по Славянской рѣчи*»; что онъ поступилъ въ отношеніи къ письменамъ Греческимъ точно также, какъ Греки къ письменамъ Жидовскимъ (**), что изъ Славянскихъ 38 буквъ

(*) „Вы бо еста Селунянина, да Селуняне все чисто Словеньскы бесѣдують", говорилъ императоръ Михаилъ Кириллу и Меѳодію, отправляя ихъ въ Моравію (см. житіе Меѳодія): очевидно, что нарѣчіе Славянское, которое они знали *какъ Солуняне*, было нарѣчіе Македонское.

(**) Вѣрнѣе Финикійскимъ, какъ говоритъ далѣесамъ

24 подобны Греческимъ письменамъ, именно *а, в, г* и т. дал. (исчисляются всѣ буквы, перешедшія въ кирилли цу изъ Греческаго алфавита), а 14 *по Словѣньску языку*», именно *б, ж* и проч. Что можетъ, кажется, быть яснѣе и убѣдительнѣе(*), и въ виду такого свидѣтельства, можно ли толковать о томъ, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ азбуки, въ которой именно нѣтъ письменъ, подобныхъ Греческимъ? (**)

Храбръ. Какъ ясно высказывается въ этихъ словахъ сознаніе Славянина, писавшаго въ началѣ X вѣка, что азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, была развитіемъ и примѣненіемъ азбуки Греческой, точно также, какъ Греческая — Финикійской!

(*) Для того, чтобы отдѣлаться отъ простаго и очевиднаго смысла Храброва сказанія, Шафарикъ и Ганушъ принуждены были прибѣгнуть къ удивительнѣйшимъ натяжкамъ, и напр. утверждать, будто Храбръ говоря объ изобрѣтеніи Кирилломъ *письменъ*, разумѣлъ собственно не *письмена*, а звуки, изъ которыхъ 24 будто оказались „по подобію Греческихъ письменъ.“ Тяжело видѣть, какъ человѣка, подобнаго Шафарику, idée fixe могла привести къ *такого рода* несообразности: оставляя въ сторонѣ странность предположенія, что Храбръ писалъ не то, что хотѣлъ сказать, какъ же Кириллъ въ Славянскихъ *звукахъ* могъ найти „подобіе 24 Греческимъ письменамъ“, когда въ числѣ этихъ письменъ есть и лишнее *и* и лишнее *о* (омега), и *ѳ*, и ѳита, и кси, и пси, и ижица,—являющіяся не только въ Кирилловской азбукѣ, но (за исключеніемъ двухъ предпослѣднихъ) и въ самостоятельной будто бы глаголицѣ?

(**) Кромѣ трехъ, *м, ѳ* и *ѳ*,—и то въ нѣкоторыхъ,

6. Главное показаніе, на которомъ зиждется вся теорія тѣхъ, которые приписываютъ Кириллу азбуку глагольскую, принадлежитъ краткой Греческой похвалѣ св. Клименту, архіепископу Болгарскому: тамъ говорится, что Климентъ «придумалъ другія начертанія письменъ для большей ясности, чѣмъ тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ.» Изъ этого выводятъ, что Климентъ (одинъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, дѣйствовавшій въ Болгаріи въ послѣднихъ годахъ IX-го и въ началѣ X вѣка) былъ творцомъ новой Славянской азбуки, замѣнившей первоначальную кириллову глаголицу,—именно нашей такъ называемой кириллицы, ибо: 1) кириллица дѣйствительно яснѣе глагольской азбуки, и 2) Климентъ жилъ и писалъ между Славянами, подчиненными Греческому вліянію (тогда какъ дѣятельность Кирилла, предполагается при этомъ, принадлежала только Славянамъ Западнымъ).

Жаль однако, что ученые, какъ Шафарикъ, Ганушъ и др., опирающіе свою теорію на этомъ текстѣ, приняли его на вѣру, не подвергнувъ предварительно критикѣ. А критика тутъ сказала бы многое. Надобно замѣтить, что мы имѣемъ два Греческихъ сказанія о Климентѣ Болгарскомъ: одно пространное, первоначальный текстъ котораго принадлежитъ, какъ видно, одному изъ учениковъ Климента, а дошедшая до насъ Греческая редакція—знаменитому писателю,

---

весьма древнихъ, рукописяхъ первые два знака теряютъ свою Греческую форму подъ закорючками, которыми ихъ испещрили.

XI вѣка, архіепископу Ѳеофилакту,—и краткую похвалу (или такъ называемое проложное житіе), гдѣ находится приведенное выше извѣстіе. (*)

Первое описываетъ жизнь св. Климента весьма подробно и носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрнаго историческаго повѣствованія; а въ немъ-то нѣтъ ни слова про изобрѣтеніе Климентомъ азбуки; онъ представляется, напротивъ, ревностнѣйшимъ поборникомъ и распространителемъ той письменности, начало которой положено было Кирилломъ и Меѳодіемъ. Уже это (**) бросаетъ тѣнь недовѣрія на свидѣтельство, заключающееся въ краткой похвалѣ Клименту. Похвала эта, какъ и большая часть подобнаго рода произведеній литературы, не есть сочиненіе самостоятельное, а извлеченіе изъ пространнаго житія (на которое ссылается и самъ авторъ ея), извлеченіе, писанное съ извѣстными и, такъ сказать, установленными пріемами риторической амплификаціи. Въ началѣ похвалы говорится, на примѣръ, о Болгарахъ, что они во время оно жили у горы Олимпа въ малой Азіи и оттуда прогнаны были Александромъ Великимъ къ Сѣверному океану. Вы видите, какъ безцеремонно авторъ обращается съ исторіею. Непосредственно за извѣстіемъ о составленіи Климентомъ какихъ-то новыхъ начертаній, сказано,

---

(*) Рукопись, въ которой она найдена, принадлежитъ XII или XIV. вѣку.

(**) Замѣчательно, что и Шафарикъ и Гапушъ обходятъ молчаніемъ столь важное обстоятельство.

что онъ перевелъ *все* священное писаніе и похвальныя слова и житія мучениковъ и святыхъ и священныя пѣснопѣнія. Напротивъ того, пространное житіе, указывая опредѣлительно на письменныя работы Климента, вовсе не приписываетъ ему такого громаднаго труда, который былъ бы не подъ силу одному человѣку. Тамъ сказано, что ему принадлежатъ краткія слова,—похвалы и поученія—на праздники господскіе, богородичные, крестителя, апостоловъ и святыхъ,—а равно переводъ Цвѣтной Тріоди. Вы видите, до какой степени составитель похвалы преувеличивалъ то, что находилъ въ своемъ оригиналѣ. Но откуда же взялось извѣстіе о составленіи Климентомъ новыхъ письменныхъ знаковъ? Мнѣ кажется, дѣло объясняется весьма просто. Въ пространномъ житіи находится мѣсто, гдѣ авторъ, какъ очевидецъ трудовъ Климента, разсказываетъ, что Климентъ никогда не былъ празднымъ, но частію училъ мальчиковъ, «однимъ указывая *начертаніе письменъ*, другимъ *объясняя* смыслъ написаннаго, инымъ образуя руку для письма», частію же занимался чтеніемъ или писаніемъ книгъ и т. п. Вотъ это мѣсто, гдѣ говорится про обученіе *начертанію письменъ* и *объясненіе* ихъ смысла, осталось, какъ видно, въ памяти сочинителя, извлекавшаго изъ пространнаго житія краткую риторическую похвалу Болгарскому святому, и въ слѣдствіе обычной амплификаціи перешло подъ его перомъ въ фразу объ изобрѣтеніи *начертаній письменъ* для бо̀льшей *ясности*. На это указываетъ сходство подчеркнутыхъ мною выраженій

въ обоихъ мѣстахъ, (*) но главное, вотъ что придаетъ представленной здѣсь догадкѣ такую степень вѣроятности, которая въ моихъ глазахъ равняется полной достовѣрности. Въ краткой похвалѣ Клименту соблюденъ точь-въ-точь, во всей этой части повѣствованія, тотъ самый порядокъ изложенія, какой находится въ пространномъ житіи. Послѣднее разсказываетъ о томъ, какое покровительство Болгарскій государь Михаилъ-Борисъ оказалъ Клименту, и за тѣмъ изображаетъ неутомимую ревность этого святителя; тутъ слѣдуютъ приведенныя мною слова объ его трудахъ какъ наставника юношества и писателя, далѣе говорится о множествѣ учениковъ имъ образованныхъ и проч. Каждому изъ этихъ параграфовъ соотвѣтствуетъ фраза въ краткой похвалѣ, и фраза о составленіи Климентомъ новыхъ «начертаній письменъ для бо̀льшей ясности», занимаетъ въ ходѣ разсказа то именно мѣсто, гдѣ въ пространномъ житіи сказано просто про обученіе «начертанію письменъ и объясненіе ихъ смысла».—Таково главное свидѣтельство, на которомъ думали опереть теорію, что Климентомъ изобрѣтена новая Славянская азбука: посудите сами, можетъ ли оно быть принято безпристрастной критикой? А что сказать про тѣ историческія соображенія, которыя приводятся Шафарикомъ и его послѣдователями какъ доказатель-

(*) Въ пространномъ житіи: грамматѡн-характира; сафинізѡн, а въ краткой похвалѣ: характирас грамматѡн: сафестерон.

ство, что этотъ мнимый новый алфавитъ, придуманный Климентомъ, былъ именно алфавитъ Греко-Славянскій, т. е. наша кириллица, и что, значитъ, глагольская азбука принадлежитъ Кириллу? Они говорятъ, что какъ Климентъ трудился между Славянами Болгарскими, подчиненными Греческой Церкви и Греческому вліянію, то господству этого вліянія должно приписать мысль о примѣненіи Греческаго алфавита къ языку Славянскому, тогда какъ Кириллъ и Меѳодій, дѣйствовавшіе между Славянами Западными, не имѣли къ тому повода. Я спрашиваю васъ: въ комъ вѣроятнѣе предполагать вліяніе Греческое, въ Кириллѣ ли и Меѳодіи, которые были родомъ Греки, изъ которыхъ первый образовался въ Константинополѣ, а второй долго служилъ Византійскому царю, долго жилъ въ Греческомъ монастырѣ, или въ Климентѣ, родомъ Болгаринѣ, получившемъ образованіе подъ руководствомъ Меѳодія въ Моравіи? и въ какое время вѣроятнѣе предполагать Греческое вліяніе у Болгарскихъ Славянъ: въ то ли время, когда начали между ними свою проповѣдь Кириллъ и Меѳодій и когда Болгаріей, правилъ миролюбивый Михаилъ-Борисъ, столь замѣчательно уступчивый Византійскому двору, что это можетъ быть объяснено только соединеніемъ слабости характера съ преданностью новообращеннаго христіанина своему духовному отцу (*)—или въ эпоху святительской дѣятельности Климента въ Болгаріи,

(*) Греческій императоръ Михаилъ былъ его воспріемникомъ.

когда государемъ Болгарскимъ былъ сынъ Борисовъ Симеонъ (*), заклятый врагъ Византіи, не переставшій воевать съ нею и завершившій эту многолѣтнюю борьбу своимъ блистательнымъ походомъ подъ стѣны Константинополя?

Я разобралъ оба важнѣйшихъ текста, относящихся къ спору о томъ, которая изъ двухъ древнихъ Славянскихъ азбукъ изобрѣтена первоучителемъ Кирилломъ. Одинъ изъ этихъ текстовъ прямо и положительно указываетъ на кириллицу; другой, принимаемый за основаніе противоположнаго мнѣнія, падаетъ, вы видѣли, при первомъ прикосновеніи критики. Остальные, приводимые въ этомъ ученомъ спорѣ, тексты имѣютъ значеніе только второстепенное, и если поборники глаголитской теоріи находили въ нихъ, такъ или иначе, намекъ въ пользу своего мнѣнія, то это проистекало лишь отъ недоразумѣнія, или же требовало натяжекъ,

(*) Первые годы дѣятельности Климента въ Болгаріи, по возвращеніи его изъ Моравіи, принадлежатъ еще царствованію Михаила-Бориса; но подъ конецъ своего царствованія, Борисъ сталъ уже гораздо независимѣе относительно Византіи, нежели прежде; притомъ же, кажется, Борисъ собственно не правилъ тогда Болгаріею и жилъ въ монастырскомъ уединеніи, предоставивъ правленіе сыну. Климентъ удалился изъ Моравіи только послѣ смерти Меѳодія, бывшей въ 885 году, а уже съ 888 года начинается жестокая борьба Болгаріи съ Византіей, смѣнившая 45-лѣтній миръ между этими двумя странами, миръ, который совпадаетъ именно съ эпохою, когда жили Кириллъ и Меѳодій. И при такихъ историческихъ фактахъ намъ говорятъ о Греческомъ вліяніи при Климентѣ, объ отсутствіи Греческаго вліянія при Кириллѣ и Меѳодіи!

иногда доходившихъ (говорю особенно о сочиненіи г. Гануша) до смѣшнаго. Вотъ примѣръ подобнаго недоразумѣнія. Шафарикъ придаетъ особенную важность фразѣ, встрѣчающейся въ одной похвалѣ Кириллу: «не на тужемь (т. е. чужомъ) основаніи свое дѣло полагающа, но изнова писмена въображьша и съ врьшиста въ языкъ новъ;» оказывается однако, что слова *не на чужомъ основаніи полагающіе свое дѣло*, которыя представляются Шафарику, какъ *поразительное* свидѣтельство, что Кирилломъ изобрѣтена та азбука, которая не основана на чужой, Греческой,—вовсе не относятся къ изобрѣтенью письменъ, а къ предъидущей фразѣ, гдѣ говорится о дѣлѣ Кирилла и Меѳодія, какъ *проповѣдниковъ* и новыхъ апостоловъ. Недоразумѣніе произошло отъ того, что Шафарикъ взялъ эту фразу отдѣльно, а не въ связи съ смысломъ цѣлаго мѣста. Далѣе (больно подумать, что подобный умъ могъ до такой степени погрѣшить противъ здраваго смысла), Шафарикъ находитъ *impliciter* доказательство происхожденія глаголицы отъ Кирилла въ томъ, что онъ, по словамъ современниковъ, изобрѣлъ письмена *Славянскія, новыя* письмена (тогда какъ Кириллица въ сущности не Славянская азбука, а Греческая, а потому самому и не новая). Но въ такомъ случаѣ, какъ же Греческую и Латинскую азбуку называютъ Греческою и Латинскою, Русскую — Русскою и проч., когда первыя двѣ основаны на Финикійской, послѣдняя на Греческой? И вѣдь нельзя бы было сказать, на-

примѣръ, что Ульфила изобрѣлъ *новый* (т. е. не существовавшій до него) Готскій алфавитъ, потому что основа его была тоже Греческая? — Но еще смѣлѣе въ своихъ натяжкахъ г. Ганушъ. Есть одинъ древній Славянскій акростихъ, въ которомъ каждой буквѣ соотвѣтствуетъ строчка, касающаяся предметовъ вѣры или жизни Спасителя: «*А*зъ есмь богъ,—*Б*огъ бо есмь,—*В*ѣдѣ (т. е. вѣдаю) бо вся» и т. д. Въ этомъ акростихѣ на букву *и* приходятся, вмѣсто двухъ, три строчки: «*И*же вы скозѣ море провѣдахъ,—*И* въ пустыни вы насытихъ,—*И*гемону мя предасте». Г. Ганушъ пораженъ такою несообразностью: тутъ очевидный слѣдъ первоначальнаго глагольскаго алфавита, говоритъ онъ, ибо въ глаголицѣ послѣ буквъ *и* и *і* стоитъ третья буква, мягкое *д* (дервь), и третій стихъ ей соотвѣтствуетъ: надобно читать: «*демону* мя предасте»; потомъ при перелискѣ акростиха кириллицей, стихъ этотъ передѣлали по недоразумѣнію въ «*игемону мя предасте*». Позволительно ли до такой степени жертвовать смысломъ для предвзятой теоріи? Г. Ганушъ забылъ одно: что Христосъ никогда не былъ преданъ *демону*, а что предали его именно *игемону* Пилату! Какое же тутъ глагольское *д*? А если бы онъ прочиталъ весь акростихъ въ связи, то увидѣлъ бы, что эта лишняя строчка на букву *и* была нужна, чтобы какъ нибудь связать предъидущее съ послѣдующимъ.

Избавляю васъ отъ дальнѣйшаго разбора разныхъ мелочныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ за-

щиту глаголитской теоріи. Всѣ они не выдерживаютъ критики и теряютъ всякое значеніе, когда подорваны главныя, основныя положенія этой системы. Приведу только, въ заключеніе, три весьма важныхъ довода, окончательно, какъ мнѣ кажется, ее опровергающіе; доводы эти могутъ быть изложены весьма кратко:

1) *Argumentum ad hominem.* Глагольскій переводъ Евангелія (какъ показываетъ самъ Шафарикъ) заключаетъ въ себѣ мѣста, переведенныя безсмысленно, вслѣдствіе того, что одно Греческое слово было принято за другое, сходное по звуку, иныя же слова оставлены вовсе безъ перевода; тогда какъ въ древнѣйшемъ кирилловскомъ переводѣ нѣтъ такихъ погрѣшностей. Возможно ли, чтобы глагольскій переводъ, обличающій въ его составителѣ не твердое пониманіе Греческаго языка, принадлежалъ Греку Кириллу, ученику Фотія, Кириллу, ученость котораго пріобрѣла ему между современниками прозваніе философа?

2) *Доказательство палеографическое.* Почеркъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ памятниковъ совпадаетъ точь въ-точь съ почеркомъ Греческихъ памятниковъ первыхъ трехъ четвертей IX вѣка, именно того времени, которому принадлежитъ составленіе Кирилломъ Славянскихъ письменъ; напротивъ того, подъ конецъ IX-го вѣка и въ началѣ X-го, во время, къ которому относятъ начало кириллицы люди приписывающіе ее Клименту, упо-

треблявшійся Греками почеркъ разнится отъ почерка этой Славянской азбуки (*).

Наконецъ 3) *Доказательство лингвистическое*.. Діалектическія особенности нарѣчія древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ встрѣчаются именно въ Македоніи, родинѣ Кирилла; глагольскіе памятники отличаются отъ кирилловскихъ разными словами и формами, принадлежащими нарѣчіямъ западнымъ, въ особенности же, какъ показалъ Шафарикъ, такими словами, которыя свойственны нарѣчію приадріатическихъ Хорватовъ и сосѣднихъ имъ Словенцевъ: а извѣстно, что именно между этими племенами Кириллъ никогда не жилъ (**).

(*) Основываюсь въ этомъ отношеніи на приведенномъ сочиненіи г. Викторова, который извинитъ меня, что я, приходя часто къ тѣмъ же выводамъ, какіе имъ сдѣланы въ разборѣ мнѣній Шафарика, не ссылаюсь на него, и съ другой стороны, не обозначаю того, что имъ не было высказано или въ чемъ съ нимъ не совсѣмъ схожусь. Такого рода цитаты обременили бы статью, и безъ того черезъ-чуръ для газеты тяжелую.

(**) Чтобы выйдти изъ затрудненія, Шафарикъ принужденъ былъ придумать двѣ гипотезы, совершенно произвольныя, и надстроить ихъ одну надъ другою: 1) что Кириллъ и Меѳодій избрали для перевода священныхъ книгъ нарѣчіе Паннонскихъ Славянъ, подвластныхъ князю Коцелу, и 2) что нарѣчіе это, исчезнувшее вслѣдствіе водворенія въ Паннонія Мадьяръ, заключало именно тѣ слова, которыя составляютъ нынѣ особенность Хорватовъ и Словенцевъ. Странно: о Паннонскомъ нарѣчіи мы рѣшительно ничего не знаемъ; какже приписывать ему гипотетически тѣ или другія слова и на этомъ основывать выводъ? А вотъ что еще страннѣе: допустивъ даже, что первоучители Славянскіе переводили не на Македонское нарѣчіе, которое было для нихъ какъ родное, а на одно изъ нарѣчій западныхъ

По этимъ-то лингвистическимъ указаніямъ я считаю, на сколько можно судить по имѣющимся теперь даннымъ, наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, высказанное въ первый разъ, кажется, Прейсомъ, что глагольская азбука составлена была именно въ приморской Хорватіи (гдѣ и сохранилась донынѣ), вслѣдствіе наступившихъ съ конца IX вѣка, въ подвластныхъ Папѣ Славянскихъ земляхъ, гоненій на все, сопряженное съ Греческимъ вліяніемъ вообще и въ особенности на письменность, оставленную Славянамъ Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Изъ приморской Хорватіи, гдѣ гоненіе было въ началѣ всего сильнѣе, новая, очищенная отъ Греческихъ элементовъ, азбука Славянская должна была тотчасъ перейти и къ Сѣверозападнымъ, также подчиненнымъ Риму, Славянскимъ племенамъ (есть весьма древніе слѣды глаголицы въ Чехіи) и черезъ ихъ посредство могла сдѣлаться извѣстною и на Руси. Здѣсь иные писцы могли даже, пожалуй, по незнанію приписывать глагольскія книги Св. Кириллу, напримѣръ, какъ Новгородскій попъ Упирь Лихій, переписывавшій въ 1047 году книгу Толкованій Пророчествъ, судя по разнымъ признакамъ, съ глагольскаго оригинала, — говоритъ, что переписывалъ онъ ее «исъ куриловицѣ», т. е. съ ки-

---

Славянъ, среди которыхъ стали дѣйствовать, съ какой стати они предпочли бы нарѣчіе незначительнаго княжества Коцелова, языку того народа, который составлялъ тогда государственный цензъ всего западнаго Славянства и былъ средоточіемъ ихъ собственныхъ трудовъ, языку Славянъ Моравскихъ?

рилловицы. Какое значеніе придается этой замѣткѣ защитниками глагольской теоріи! это чуть ли не одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ аргументовъ. А между тѣмъ, что значатъ слова Новгородскаго попа Упиря? ни что иное, какъ то, что Новгородскій попъ Упирь, жившій двѣсти лѣтъ послѣ Кирилла, считалъ рукопись пророчествъ, положимъ писанную и глаголицей, происходящею отъ Кирилла. Но развѣ это мнѣніе должно быть принято за историческое свидѣтельство? И почему же тогда защитники глагольской теоріи съ такимъ презрѣніемъ отвергаютъ столь же почтенное по древности своей мнѣніе, что глаголица изобрѣтена св. Іеронимомъ? — Проникая съ одной стороны на Сѣверъ, глагольская азбука съ другой легко могла сдѣлаться извѣстною на Юго-Западѣ, въ той части Болгаріи, которая въ тѣ времена простиралась до Адріатическаго моря и находилась въ близкомъ сосѣдствѣ съ тогдашнимъ государствомъ приморскихъ Хорватовъ. Въ Болгаріи именно только тамъ и найдены слѣды употребленія глаголицы. Отысканныя въ этихъ мѣстахъ рукописи глагольскія весьма древни, древнѣе, чѣмъ рукописи, находящіяся въ самой Хорватіи; но впрочемъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды Хорватскаго нарѣчія. Относительная древность глагольскихъ рукописей Болгарскихъ, передъ Хорватскими, а равно и тотъ фактъ, что найденныя въ Юго-Западной Болгаріи глагольскія рукописи также относительно древнѣе Кирилловскихъ и что есть палимпсесты и списки, въ которыхъ глагольское письмо

замѣнено кирилловскимъ, — все это служитъ послѣднимъ серьезнымъ доводомъ защитникамъ глаголитской теоріи. Шафарикъ въ особенности налегаетъ на эти факты. Къ сожалѣнію, онъ не принялъ въ соображеніе весьма простой вещи, которая однако ниспровергаетъ всю его аргументацію: именно, онъ забылъ то, что и въ древности книги писались для употребленія, а не для храненія въ пользу потомства. Въ приморской Хорватіи глагольская азбука должна была замѣстить *запрещенную* и вытѣсняемую Латинскимъ духовенствомъ кирилловскую; рукописи глагольскія были тамъ нужны въ обиходѣ, потому онѣ и скоро портились, ветшали и замѣнялись новыми списками; эта замѣна ускорялась и тѣмъ, что древнѣйшія глагольскія рукописи были еще приспособлены къ богослуженію по обряду Восточной церкви, который при Кириллѣ и Меѳодіи сдѣлался господствующимъ и у Западныхъ Славянъ; по этому самому онѣ, по мѣрѣ утвержденія Латинства между Хорватами, становились негодными; требовались новыя, примѣненныя къ богослуженію по Римскому обряду. Вотъ, кажется, простая причина, почему въ Хорватіи, хотя и родинѣ глаголицы, не могло сохраниться глагольскихъ рукописей изъ самой древней эпохи. Представьте себѣ съ другой стороны, что при самомъ началѣ появленія глаголицы, нѣкоторыя книги, ею писанныя, проникли въ ближайшіе къ приморской Хорватіи края Юго-Западной Болгаріи (а что онѣ проникли тутъ именно изъ приморской Хорватіи, доказываютъ,

какъ я замѣтилъ, признаки языка). Въ Юго-Западной Болгаріи не было причины, чтобы глагольская письменность вытѣснила кирилловскую; глагольскія рукописи были тамъ доступны немногимъ, кирилловскія оставались общеупотребительными; кирилловскія, значитъ, скорѣе ветшали, чаще переписывались и замѣнялись новыми; глагольскія, будучи въ меньшемъ употребленіи, могли сохраняться долѣе (тѣмъ болѣе, что въ православной Болгаріи не было никакой нужды замѣнять древнѣйшую, православную редакцію глагольскихъ текстовъ редакціею, приспособленною къ Римскому богослуженію), и если кто ихъ рѣшался переписывать, то переписывалъ охотнѣе общепонятною кириллицей, чѣмъ глаголицей; иной, для сбереженія дорогаго пергамена, стиралъ глагольское письмо и на такомъ палимпсестѣ писалъ кирилловскими буквами. Вотъ, кажется, немудреное объясненіе приведенныхъ фактовъ, получающій такой неестественный смыслъ у тѣхъ, которые строятъ на нихъ глаголитскую теорію (*).

(*) Самъ Шафарикъ признавалъ достовѣрнымъ, хотя не сгруппировалъ, слѣдующее: 1) древнѣйшіе глагольскіе памятники отличаются особенностями преимущественно *Хорватскаго* царѣчія; 2) древнѣйшіе глагольскіе памятники приспособлены къ богослуженію по *Восточному* обряду; 3) въ Хорватіи усилія Рима заставили замѣнить *Восточный* обрядъ *Латинскимъ*; 4) въ Хорватіи найдены глагольскія рукописи только позднѣйшей редакціи, приспособленныя къ *Латинскому* ритуалу; и 5) нѣсколько древнѣйшихъ глагольскихъ рукописей, приспособленныхъ къ *Восточному* обряду и съ особен-

Замѣчательно, что Храбръ, столь ясно указывающій намъ на изобрѣтеніе Кирилломъ именно кирилловскаго, Греко-Славянскаго письма, намекаетъ и на то, что въ его время были попытки передѣлать азбуку Кириллову. «Устрояютъ и еще», говоритъ онъ, письмена для Славянъ. Защищая дѣло кирилловo, онъ не рѣшается утверждать, чтобы его азбука была нѣчто совершенное, однако при этомъ замѣчаетъ, что удобнѣе, «послѣжде *потворити*, неже первое *створити*». Мнѣ кажется, что это есть намекъ на глаголицу: время, въ которое писалъ Храбръ (т. е. начало X столѣтія), совпадаетъ съ вѣроятнѣйшей эпохой ея происхожденія, а слово *потворити*, которое не можетъ значить — передѣлать самостоятельно, а значитъ очевидно сдѣлать по какому нибудь образцу, почти даже поддѣлать (*), — слово это какъ нельзя лучше выражаетъ характеръ глагольскаго письма и отношеніе его къ кирилловскому. — Допустивъ предположеніе, что глаголица произошла въ приморской Хорватіи, гдѣ Славянское богослуженіе, созданное Кирилломъ и Меѳодіемъ, было, по настоянію папскаго престола,

---

ностями нарѣчія *Хорватскаго*, найдены въ ближайшей къ древнему Хорватскому государству части православной Болгаріи. Трудно понять, какимъ образомъ Шафарикъ, Ганушъ и др. могли не видѣть, въ какой связи эти факты должны быть поставлены одинъ къ другому, и того простаго вывода, который изъ нихъ слѣдуетъ.

(*) Этотъ оттѣнокъ выступаетъ еще ярче въ другихъ нарѣчіяхъ: *потворити* по Чешски значитъ „обезобразить“, по Сербски и по Словенски „оклеветать“, т. е. обезобразить нравственно.

уже въ 925 году осуждено и запрещено постановленіемъ помѣстнаго собора, — мы поймемъ цѣль составленія новой азбуки. Цѣль эта была: — въ краѣ, гдѣ не хотѣли или нельзя было прямо противостать папскому авторитету, спасти Славянскую письменность, скрывъ ея Греческій характеръ подъ знаками, совершенно своеобразными и для непосвященнаго непонятными. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и тотъ весьма древній, нелѣпый разсказъ, будто изобрѣтателемъ глагольскаго алфавита былъ Іеронимъ, святой, особенно уважавшійся Римскою церковью, которая получила отъ него свой каноническій текстъ священнаго писанія. Впрочемъ, эта ли именно, или другая, была первоначальная цѣль составленія глагольскихъ письменъ, исторія дѣйствительно опредѣлила ей такое значеніе. Это было дѣйствительно нѣчто въ родѣ тайнописи, за которою кое-гдѣ между западными Славянами успѣла скрыться народная стихія въ церкви — отъ безпощаднаго «нивелированья» средневѣковаго Рима, и которой Римъ не побоялся въ послѣдствіи дать свое освященіе, именно потому, что это было не болѣе, какъ тайнопись, именно потому, что глаголица могла быть только исключеніемъ, привилегіею для немногихъ и, удовлетворяя народному чувству избраннаго меньшинства, ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться орудіемъ общаго образованія, достояніемъ массъ (*).

(*) Вся исторія глаголицы, не говоря о наружномъ ея видѣ, выказываетъ въ ней такой характеръ. Особенно же ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ фактъ, что

Такой характеръ глагольской грамоты и письменности несомнѣненъ и очевиденъ; несомнѣненъ и очевиденъ также характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, этихъ неутомимыхъ миссіонеровъ, которые, по выраженію современниковъ, «столько трудились Христа ради, на сѣверныхъ и южныхъ и западныхъ странахъ», дабы «насѣять духовныя словеса безчисленнымъ племенамъ», дабы «разумно просвѣтить, письменами и ученіемъ» «многоплодный языкъ Словенскій»; вся борьба ихъ съ Латинскимъ духовенствомъ, борьба, ихъ погубившая и погубившая ихъ дѣло на Западѣ, истекала изъ разногласія двухъ принциповъ: что книжное ученіе и пониманіе вѣры и ея обрядовъ назначено всему народу, или что оно должно быть достояніемъ немногихъ. Какъ же согласовать эти двѣ вещи, характеръ глагольской грамоты, и направленіе Кирилла и Меѳодія? Неужели твореніе не носитъ на себѣ отпечатка мысли его творца, или можетъ носить отпечатокъ мысли, прямо противорѣчащей его духу? Указаніемъ на эту внутреннюю, существенно важную, въ моихъ глазахъ, несообразность глаголитской теоріи дополню всѣ тѣ, историческія и прочія, доказательства, которыя, надѣюсь, достаточно убѣ-

---

папа Климентъ VI, уступая настойчивымъ требованіямъ Карла IV о возстановленіи въ Чехіи богослуженія на языкѣ народномъ, допустилъ тамъ *глаголицу* и Славянскую литургію по глаголитскимъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобы служба эта совершалась въ *одномъ только* монастырѣ.

дили васъ, что Кириллу и Меѳодію дѣйствительно принадлежитъ *наша*, всенародная Славянская, грамота, что дѣйствительно *они* основатели нашей письменности и нашего просвѣщенія.

(Письмо 3-е и послѣднее).

Кириллъ и Меѳодій имѣли ту замѣчательную судьбу, что и по истеченіи тысячи лѣтъ не принадлежатъ еще окончательно *прошлому*, что и нынче, въ XIX вѣкѣ, ихъ имя не раздѣльно съ вопросами, взглядами, страстями современнаго міра Славянскаго. Никто другой изъ историческихъ дѣятелей Славянской древности въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться съ ними. Такая особенность въ историческомъ значеніи Кирилла и Меѳодія совершенно понятна. Это были, въ древности, единственные дѣятели *всеславянскіе*. Ихъ труды принадлежали одинаково и Южнымъ Славянамъ, и Западнымъ, и Восточнымъ. Славянская Македонія и Болгарія считаютъ ихъ по праву своими; своими считаетъ ихъ по праву Моравія и земля Словаковъ и Чехія; и Полякамъ они не чужіе, ибо Краковская земля (область тогдашняго государства Великоморавскаго) входила въ составъ паствы Меѳодіевой, и какой-то, иначе намъ неизвѣстный,

«князь силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ» былъ имъ убѣждаемъ къ принятію христіанства (*); даже

(*) Князь этотъ, по словамъ Житія, ругался надъ христіанами и творилъ имъ пакости; тогда Меѳодій послалъ ему сказать: „добро ти ся бы крестити, сыну, волею на своей земли, да не, плѣненъ, нудми (т. е. по принужденію) крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя.“ И это сбылось, прибавляетъ Житіе, не объясняя однако, гдѣ и кѣмъ этотъ князь былъ взятъ въ плѣнъ и крещенъ. При тогдашнемъ состояніи Германіи, не возможно предполагать, чтобы она воевала съ княземъ „на Вислѣхъ“ и принудила его креститься; ее раздѣляли при томъ отъ Польской земли обширные края независимыхъ Славянъ, обитавшихъ между Эльбой и Одрой. Единственною христіанскою землею въ сосѣдствѣ съ Польшею была въ то время могущественная держава Великоморавская, и ея королю Святополку должно приписать взятіе въ плѣнъ Вислянскаго князя и его крещеніе. — Славянское богослуженіе по Греческому обряду продолжалось въ Краковѣ еще въ XIII вѣкѣ (см. Зубрицкаго, Критико-Историч. Повѣсть Червоной Руси, переводъ Бодянскаго, стр. 20 и др.). Чтобы поставить такой важный фактъ, какъ вліяніе Кирилла и Меѳодія на древнюю Польшу, выше всякого сомнѣнія или подозрѣнія въ пристрастіи, переведу здѣсь слова Польскаго ученаго, г. Августа Бѣлёвскаго (изъ предисловія къ новому изданію Польскаго Словаря Линде, стр. 10 и 11): „Исторія Славянъ въ IX и X вѣкѣ, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ ее точнѣе, убѣждаетъ насъ, что колыбель языка церковнаго (cerkiewnego, т. е. Церковно-Славянскаго) была преимущественно тамъ, гдѣ находилась также колыбель организованнаго Польскаго общества, именно въ Великой Моравіи. Возвѣщенное здѣсь Кирилломъ и Меѳодіемъ ученіе перешло въ послѣдствіи къ Хорутанамъ Коцела и къ Борисовымъ Болгарамъ (относительно послѣдняго г. Бѣлёвскій введенъ въ ошибку распространеннымъ теперь у Западныхъ Славянъ ложнымъ мнѣніемъ, будто Славянская грамота была *впервые* сочинена для Моравіи); „но нива, на которую главнымъ образомъ пали

на землю Лужицкихъ Сербовъ простиралось вліяніе

сѣмена ихъ проповѣди и гдѣ принесли первые плоды, были Славяне Ростислава и Святополка, держава которыхъ простиралась до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Выработанный между этими Славянами первый письменный языкъ, на которомъ распространяема была между нами вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности для всѣхъ Славянъ, и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ въ ту пору, такъ и долгое время потомъ,—*писалось не иначе, какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами.* Ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ древняя легенда о Кириллѣ. Монета Болеслава храбраго съ Кирилловскою надписью; хроника Ярослава каноника Плоцкаго (принадлежавшаго къ Латинскому обряду), писанная имъ кириллицей въ 1219 году, на которую ссылался Прусскій епископъ Христіанъ и слѣды которой нынѣ отысканы (wyśledzona) въ Кенигсбергскомъ архивѣ; еще древнѣйшія Польскія книги, писанныя этою азбукою и упоминаемыя Несѣцкимъ и другими достовѣрными свидѣтелями; отдѣльныя кирилловскія буквы, невольно выскользнувшія изъ-подъ пера писца Маргаритовой псалтыри и другіе подобные памятники достаточно утверждаютъ справедливость вышесказаннаго. И такъ кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ, и написанныя Меѳодіемъ и его преемниками Церковно-Славянскія (cerkiewne) книги были образцомъ, по которому мы, какъ и прочіе Славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока языкъ этотъ, около XIV вѣка, не былъ вытѣсненъ вліяніемъ Чешскаго. Можетъ быть, что изданная въ 1851 г. Миклошичемъ въ Вѣнѣ Супрасльская рукопись, въ которой мы находимъ особливыя носовыя буквы и наиболѣе словъ, по звуку и значенію соотвѣтствующихъ Польскимъ, окажется, при тщательномъ изслѣдованіи, однимъ изъ кирилловскихъ памятниковъ, писанныхъ въ Польшѣ. Эта рукопись принадлежитъ, какъ извѣстно, времени не позднѣе XI вѣка, и такимъ образомъ относится къ числу древнѣйшихъ Церковно-Славянскихъ памятниковъ". Догадка г. Бѣлѣвскаго о Польскомъ происхожденіи Супрасльской рукописи, если бы она подтвердилась, была бы тѣмъ

Меѳодія (*). Наконецъ, и тѣхъ Славянъ, которые

важнѣе, что послужила бы самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія въ Польшѣ XI вѣка не только кирилловской грамоты, но и восточнаго исповѣданія: ибо рукопись содержитъ въ себѣ житія древнихъ святыхъ, переведенныя съ Греческаго, и поученія Греческихъ отцовъ церкви, между прочимъ и патріарха Фотія, который былъ столь ненавистенъ Риму; ни малѣйшаго слѣда Латинства въ ней нѣтъ. Не смѣю однако произнести сужденія о степени вѣроятности этой догадки; при чтеніи памятника, — правда, совершенно поверхностномъ,—мнѣ представлялись доводы et pro et contra; во всякомъ случаѣ, вопросъ заслуживаетъ внимательнаго изученія. Если бы впрочемъ Супральская рукопись не могла быть признана за памятникъ, писанный въ Польшѣ, то все-таки мнѣ кажется несомнѣннымъ, что она по крайней мѣрѣ читалась Поляками. Это я заключаю не только изъ того, можетъ быть, случайнаго обстоятельства, что она попала въ Супрасльскій монастырь близъ Бѣлостока, сколько изъ одной приписки, весьма древней, судя по начертанію мягкаго *гось*, въ ней находящемуся. Она кончается словами: „Господь, имѣ миръ душамо моимо". Очевидно, что писавшій эти строки былъ не твердъ въ орѳографіи, если онъ вмѣсто *душею моею* могъ написать *душамо моимо*. Но такого рода описка была *невозможна* для другаго Славянина, кромѣ какъ для Поляка, который, не зная хорошенько, какъ выразить свое протяжно произносимое носовое окончаніе duszą moją, сдѣлалъ изъ него *душамо моимо*.

(*) Это признаетъ г. Богуславскій въ своей прекрасной книгѣ „Rys dziejów Serbo-Łużyckich" (очеркъ исторіи Сербо-Лужицкой), стр. 44—46, приводящій при этомъ замѣчательныя слова Лелевеля о проповѣдникахъ восточной церкви, какъ о носителяхъ идеи *вселенскаго* христіанства, и ясно выставляющій, въ противоположность характеру этихъ проповѣдниковъ, пагубные для Славянъ принципы Римскихъ миссіонеровъ. Указанія г. Богуславскаго на значеніе Меѳодія для Лужицкихъ Сербовъ, можно бы дополнить еще ссылкою на Нѣмецкаго лѣтописца Титмара (VI, 60).

назвались Русскимъ народомъ, коснулось непосредственно, — надѣюсь, что я въ этомъ убѣдилъ васъ, — слово Солунскихъ братьевъ.

На порогѣ исторической жизни Славянскаго племени эти люди стоятъ предвѣстниками его духовнаго единства: такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, что младенца озаряетъ символическое, пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа. Вотъ этотъ-то пророческій символическій характеръ даетъ Кириллу и Меѳодію такое *современное* значеніе въ Славянскомъ мірѣ. И для Южныхъ, и для Западныхъ Славянъ они болѣе, чѣмъ историческіе дѣятели, основатели ихъ просвѣщенія; они также знамя Славянскаго самосознанія и единенія, и потому-то память ихъ чтится въ особенности у тѣхъ именно племенъ, которымъ ближе къ сердцу идея ихъ Славянства, ихъ Славянскаго братства: таковы на югѣ Болгаре, на западѣ Чехи, Моравцы, Словаки, Хорваты, Словенцы; потому-то празднество тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія будетъ для нихъ важнымъ событіемъ ихъ современной жизни.

Вотъ какъ тѣсно имя этихъ дѣятелей IX вѣка связано съ настоящимъ положеніемъ Славянскихъ народовъ, и весьма естественно, что именемъ этимъ играютъ современныя политическо-религіозныя страсти. Для клерикальной партіи въ Западно-Славянскихъ Земляхъ Кириллъ и Меѳодій имѣютъ важность первостепенную, судя по тому усердію, какое люди этой партіи высказываютъ къ ихъ памяти:

пишутъ ихъ исторію, то съ полнымъ парадомъ учености, то въ формѣ болѣе популярной, то наконецъ въ видѣ статей въ духовныхъ журналахъ и книжекъ для простонароднаго чтенія, сочиняютъ имъ молитвы, службы и литаніи, воспѣваютъ ихъ въ эпосѣ и лирическихъ стихахъ, составляютъ во имя ихъ церковныя братства (*), посвящаютъ имъ церкви и придѣлы, распространяютъ десятками тысячъ ихъ образа и медальоны, заботятся объ ихъ мощахъ (**). Отчего такая палинодія? Какимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, которые при жизни своей терпѣли столько преслѣдованій отъ «ультрамонтановъ» своего времени, Кириллъ и Меѳодій, ученики которыхъ, тотчасъ послѣ ихъ смерти, были изгнаны изъ Моравіи Латинскимъ духовенствомъ, и труды—Славянская

(*) Какъ-то „Наслѣдіе св. Кирилла и Меѳодія“, общество, основанное въ 1850 г. въ Моравіи, распространенное также между Венгерскими Словаками и имѣющее нѣсколько тысячъ членовъ; „Братство св. Кирилла и Меѳодія“, учрежденное въ 1852 г. въ Брнѣ (Брюннъ, въ Моравіи) при тамошней семинаріи; „Братство св. Кирилла и Меѳодія для обращенія несоединенныхъ (съ Римомъ) Славянъ“, утвержденное Піемъ IX 12 Мая 1852 г. Относительно послѣдняго братства мы знаемъ только его постановленія, особыя индульгенціи, которыя даются его членамъ и особую молитву, которая ему присвоена; но о дѣятельности его не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

(**) Было объявлено Западнымъ Славянамъ въ клерикальныхъ газетахъ, что послѣ долгихъ изысканій открытъ въ Моравіи слѣдъ мощей св. Меѳодія; было имъ объявлено также, что мощи св. Кирилла найдены въ Римѣ и что Папа имѣлъ намѣреніе торжественно открыть ихъ въ 1863 году.

письменность и богослуженіе, осуждены какъ ересь и искоренены,— какимъ образомъ эти самые люди сдѣлались теперь предметомъ такой любви и такого почитанія клерикальной партіи въ земляхъ Западныхъ Славянъ? Отреклась ли она, въ настоящее время, отъ тѣхъ принциповъ, на основаніи которыхъ преслѣдовала во время о́но съ такимъ ожесточеніемъ дѣло Кирилла и Меѳодія? Едва ли. Принципы остаются неизмѣнными, но обстоятельства измѣнились. Клерикальная партія у Западныхъ Славянъ поняла, что съ пробужденіемъ въ этихъ народахъ самосознанія и неодолимаго стремленія къ единенію во имя Славянскаго сродства,—Кириллъ и Меѳодій, какъ знамя, какъ символъ нѣкогда бывшаго и потому могущаго быть снова, духовнаго единства Славянъ, получаютъ огромное значеніе; а съ тѣмъ вмѣстѣ, она поняла, какая съ этимъ именемъ, съ этимъ символомъ сопряжена опасность, опасность, заключающаяся въ нѣсколькихъ простыхъ историческихъ фактахъ, а именно: 1) что Кириллъ и Меѳодій были родомъ Греки и воспитанники Греческой церкви; 2) что Кириллъ и Меѳодій были посланы для обращенія *Западныхъ* Славянъ церковью *Восточною* и Византійскимъ правительствомъ; 3) что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали между Западными Славянами во имя началъ, которыя признавала и признаетъ церковь Восточная и которыхъ никогда не признавала церковь Западная; 4) что Кириллъ и Меѳодій и между Западными Славянами совершали богослуженіе по обряду Восточной церкви;

и наконецъ 5) что дѣло Кирилла и Меѳодія было истреблено церковью Латинскою въ земляхъ, ей подвластныхъ, тогда какъ оно у Славянъ, принадлежащихъ къ православному исповѣданію, осталось неприкосновеннымъ и сдѣлалось ихъ народнымъ достояніемъ. Вы видите, какою грозою имя Кирилла и Меѳодія является Латинству; вы видите, что воспоминанія, сопряженныя съ этимъ именемъ, могутъ у Западныхъ Славянъ подорвать самыя основы Латинства. А бороться противъ возрастающей популярности этого имени было бы безполезно и только увеличило бы опасность. И вотъ, клерикальная партія напрягаетъ тамъ всѣ свои силы, употребляетъ всѣ средства, чтобы, такъ сказать, усыновить Кирилла и Меѳодія католицизму, чтобы загладить какъ нибудь въ ихъ исторіи то, что можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе, чтобы, усердіемъ къ ихъ памяти, удовлетворяя народному чувству, обратить заключающуюся въ имени Кирилла и Меѳодія силу въ свое собственное орудіе. Словомъ, сознавая невозможность бороться *противъ* этого знамени, клерикальная партія хочетъ захватить его въ свои руки. Для того, разумѣется, нужно бываетъ подвергнуть исторію особеннаго рода операціямъ, утаить одни факты, перетолковать другіе, выставить третьи въ особенномъ свѣтѣ: но у клерикальной партіи за этимъ дѣло не станетъ. Я, разумѣется, считаю совершенно безполезнымъ разбирать всѣ эти толкованія; если вамъ любопытно, то познакомьтесь съ ними въ сочиненіяхъ каноника

Штульца (*), профессора богословскаго училища въ Литомѣрицахъ, Гинцеля (**) и другихъ писателей той же категоріи. Позвольте только показать вамъ конечную цѣль всего этого; яснѣе она не можетъ быть выражена, какъ въ книгѣ г. Штульца «Жизнь св. Кирилла и Меѳодія, апостоловъ Славянскихъ», написаннаго, надобно сказать, съ большимъ умѣньемъ и талантомъ и которое распространено въ Моравіи и Чехіи обществомъ «Наслѣдіе Кирилла и Меѳодія» въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Вотъ заключительная страница этого сочиненія: «Подъ конецъ нельзя намъ обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, которое тщательному изслѣдователю является предзнаменованіемъ того, что и нынѣ еще святые апостолы наши должны сдѣлаться, такъ сказать, мостомъ къ соединенію раздѣленныхъ въ вѣрѣ Славянъ. Извѣстно, что Кириллъ и Меѳодій суть, такъ сказать, единственные святые католическихъ Славянъ Западныхъ, которые пользуются не меньшимъ уваженіемъ на востокѣ. Въ Сербіи, въ Болгаріи и въ цѣлой имперіи Русской чтится имя нашихъ святыхъ братьевъ; память ихъ прославляется донынѣ въ согласіи и съ сыновнею любовью. Конечно, Сербы, Болгаре, Русскіе забыли, что гробъ св. Кирилла находится въ Римѣ; они забы-

(*) Wypsání žiwota swatych bratri Cyrilla a Mathoda sepsal Stul'c. 1847. Žiwot swatych Cyrilla a Methodia, apostolu Slowanskych sepsal stulc. 1857.

(**) Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der Slavischen Liturgie, v. Hinzel, второе изданіе въ 1861 году.

ваютъ, что Папа назначилъ и посвятилъ св. Меѳодія въ епископы; забываютъ, что Папы были главными охранителями и покровителями нашихъ апостоловъ; забываютъ, съ какимъ довѣріемъ святые братья эти прибѣгали и «льнули» къ престолу св. Петра, къ Папѣ. Но они не забыли, что Кириллomъ и Меѳодіемъ намъ дано участіе въ общеніи святыхъ, въ церкви Божіей. Честь, воздаваемая святымъ апостоламъ нашимъ, не составляетъ ли такимъ образомъ какъ бы связи, соединяющей братій, отторгнутыхъ обманомъ сварливыхъ Грековъ, съ нами, сынами святой церкви католической? Не подаетъ ли это намъ надежду, что братья, помнящіе своихъ отцовъ въ вѣрѣ (Кирилла и Меѳодія), мало-по-малу вспомнятъ также, откуда они получили право на святое дѣло апостольское, кѣмъ были въ немъ хранимы? Человѣкъ не видитъ будущаго, судьбы Божіи скрыты отъ взоровъ смертной твари; но намъ по всему кажется, что св. Кириллъ и Меѳодій, по Божьему изволенію, своимъ примѣромъ и памятью сдѣлаются однажды еще, — и то, если Богъ дастъ, въ близкой будущности, — апостолами единства католическаго между Славянскими народами.»

Я показалъ вамъ разныя стороны того значенія, которое имѣютъ Кириллъ и Меѳодій между Западными и Южными Славянами. А что же сказать про насъ? Отчего мы такъ равнодушны къ памяти первоучителей Славянскаго племени, провозвѣстниковъ его духовнаго единства? Какимъ образомъ ихъ имена, съ которыми у другихъ Славянъ соединяется

такъ много надеждъ и разнообразныхъ стремленій, которыя тамъ извѣстны и чтимы въ каждой хижинѣ, нашимъ глазамъ представляются не иначе, какъ сквозь библіотечную пыль и ученый туманъ? Отчего и въ церковномъ отношеніи, мы, пользующіеся въ теченіе десяти вѣковъ трудами Кирилла и Меѳодія, — письменами, которыя они изобрѣли, языкомъ, который они увѣковѣчили, переводомъ священныхъ книгъ и литургій, который мы отъ нихъ получили, мы до такой степени невнимательны къ нимъ, что предали забвенію даже имя ихъ въ службахъ церковныхъ, ежедневно совершаемыхъ, даже выпустили его изъ свѣтскаго календаря, содержащаго однако имена мало у насъ извѣстныхъ по дѣятельности своей, святителей Греческихъ, Иверскихъ, Персидскихъ? Отчего наконецъ духовная литература наша остается безучастною въ виду всѣхъ тѣхъ огромныхъ, непрестанныхъ усилій, которыя дѣлаются клерикальною партіею на Западѣ, чтобы, такъ сказать, завоевать первоучителей Славянскихъ? А между тѣмъ было бы такъ легко состязаться съ нею и разрушить всѣ ея софизмы, хотя бы просто на основаніи Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія: вѣдь житія эти, писанныя несомнѣнно въ области Западной церкви, какъ видно изъ особеннаго уваженія къ Папскому престолу, въ нихъ проявляющагося, и изъ титула *апостолика*, который въ нихъ придается Папѣ, согласно обычаю средневѣковой Латинской Европы, — житія эти не могутъ быть заподозрѣны въ пристра-

стіи къ Восточной церкви, и все-таки они рѣшаютъ въ пользу ея не только историческій вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи, но и вопросъ догматическій, рѣшаютъ его такъ ясно, что тутъ и тѣни сомнѣнія оставаться не можетъ. Опредѣлительность этихъ свидѣтельствъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ предѣлахъ обѣихъ церквей и въ такую эпоху, когда догматическое разногласіе между ними едва начинало находить себѣ формулу. Но при всей неясности вопроса въ то время, Паннонскія житія говорятъ прямо, что Кириллъ и Меѳодій всѣми силами своими отвергали «ересь триязычниковъ», т. е. ученіе тѣхъ, которые допускали богослуженіе только на трехъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, и «ересь іопаторскую», — Греческое слово, которымъ обозначается догматъ объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, — и что это именно было главною причиною гоненій, которыя они терпѣли на Западѣ. Сохранилось также «исповѣданье вѣры» св. Кирилла и Меѳодія, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ ученіе не имѣло ничего общаго съ Латинствомъ (*). Старалась ли духовная литература наша о разъясненіи этихъ фактовъ и всего съ ними связаннаго? Я не говорю о почтенныхъ трудахъ нѣкоторыхъ писателей, каковы пре-

(*) Объ этомъ „исповѣданіи“ см. статью преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго, „Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители“ (Чтен. О. Ист. и Древн. 1846, 4.).

освященный Макарій, Филаретъ и г. Горскій: ихъ изслѣдованія о первоучителяхъ Славянскихъ обогатили науку. Но что значатъ эти немногія изслѣдованія въ сравненіи съ огромной церковно-полемической литературой обработывающей на Западѣ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи? и не свидѣтельствуетъ ли самая немногочисленность этихъ трудовъ и ихъ исключительно ученый характеръ о томъ, какъ мало еще живаго интереса соединяется у насъ съ этимъ вопросомъ? — Между тѣмъ, древняя Русь, древняя церковь Русская вовсе не были такъ безучастны къ памяти Славянскихъ просвѣтителей; это видно изъ древней письменности нашей, изъ того, что Русскими писцами сохранена бо́льшая часть драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Вниманіе къ нимъ охладѣвало на Руси въ Московскій періодъ, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возрастающее сознаніе ея особности, народной и государственной, все болѣе и болѣе заслоняло собою память объ общемъ Славянскомъ источникѣ, а съ другой, въ церкви Русской элементъ Греческій, Византійскій, бралъ перевѣсъ надъ древнимъ Славянскимъ, Болгарскимъ элементомъ. А въ Петербургскій періодъ могло ли остаться на Руси мѣсто идеѣ Славянства, и потому самому, Кириллъ и Меѳодій не должны ли были потерять для насъ всякое значеніе? Въ настоящее время, какъ я сказалъ, имя ихъ важно особенно для тѣхъ народовъ Славянскихъ, въ которыхъ историческая нужда вызываетъ сознаніе

Славянства, Славянскаго братства. Тамъ, гдѣ народность крѣпка сама по себѣ, гдѣ для нея достаточно ея собственнаго самосознанія и нѣтъ такой настоятельной потребности искать ей опоры въ общей идеѣ Славянства, участіе къ памяти Кирилла и Меѳодія гораздо слабѣе, напримѣръ у Сербовъ или у Поляковъ. А мы? Нужды прямой, осязательной нужды намъ нѣтъ искать опоры въ идеѣ Славянства, въ Славянскомъ общеніи; мы сильны сами по себѣ, *мы* нужны другимъ Славянамъ, а намъ они развѣ видимо нужны? Внѣшняго повода къ пробужденію въ Россіи идеи Славянства не было и нѣтъ, а внутреннимъ путемъ органическаго развитія она можетъ явиться только какъ плодъ и вѣнецъ самосознанія собственной народности, въ чемъ мы, кажется, еще не далеко ушли! Вотъ какимъ образомъ я объясняю себѣ то огромное разстояніе, которое существуетъ между нашимъ обществомъ и другими Славянами въ степени развитія Славянской идеи, чувствъ Славянской общности. Иные заграничные Славяне, познакомившись съ Россіею, приходятъ просто въ отчаянье отъ нашего равнодушія къ идеѣ Славянства, отъ совершеннаго отсутствія въ общественной (не говоря о домашней) жизни нашей того сознанія, что Русскій человѣкъ сверхъ того Славянинъ. Но факту этому нечего удивляться; я, по крайней мѣрѣ, ни мало не прихожу въ отчаянье на счетъ будущности Славянской идеи въ нашемъ отечествѣ. Теперь ей еще нѣтъ мѣста въ нашемъ *общественномъ* сознаніи, но,

по моему мнѣнію, она будетъ плодотворнѣе тамъ, гдѣ можетъ вырости только изъ внутреннихъ, органическихъ началъ народной жизни, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ вызвана внѣшнею потребностью самосохраненія: въ странахъ этихъ и идея Славянская по существу своему остается только внѣшнею. Я говорилъ вамъ объ этомъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, помѣщенныхъ въ вашей газетѣ.

Я удалился однако отъ своей настоящей темы, отъ Кирилла и Меѳодія. Я хотѣлъ пояснить вамъ, почему, говоря такъ много о Кириллѣ и Меѳодіи, объ ихъ огромномъ современномъ значеніи въ Славянскомъ мірѣ, я все-таки считалъ бы совсѣмъ несвоевременнымъ ожидать отъ нашего общества чего нибудь подобнаго тому энтузіасму, съ которымъ Славяне Западные готовятся праздновать ихъ тысячелѣтнюю годовщину. Но это не освобождаетъ каждаго изъ насъ лично отъ обязанности содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію между нами Славянской идеи: ибо безъ нея наше собственное народное самосознаніе не можетъ быть полно; а потому самому никто изъ насъ, не безучастный къ народному и Славянскому самосознанію нашему, не можетъ быть равнодушенъ къ памяти тѣхъ людей, которые въ древности служатъ символомъ духовнаго единства Славянъ. Старайтесь же, словомъ и дѣломъ, пробудить, на сколько возможно въ настоящее время, участіе къ наступающему всеславянскому празднеству; обратитесь при этомъ не только ко всѣмъ Русскимъ лю-

дямъ безъ различія, но также въ особенности къ Малоруссамъ. Отъ нихъ я ожидаю, въ настоящее время, бо́льшаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія, чѣмъ отъ общества Великорусскаго; и вообще считаю ихъ призванными къ особенному участію въ развитіи между нами Славянской идеи. Кіевъ ближе къ другимъ Славянамъ, чѣмъ Москва, и точно также племя Малороссійское ближе къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ племя Великорусское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко-опредѣленнаго типа, какъ нашъ Великорусскій языкъ, стоитъ какъ бы на серединѣ между имъ и нарѣчіями Западныхъ Славянъ, и въ Западныхъ краяхъ Малорусскаго племени сливается съ рѣчью Венгерскихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ и въ отношеніи историческомъ и общественномъ. Часть Малорусскаго племени, въ Галиціи, несетъ на себѣ то же самое бремя иноземнаго владычества, подъ которымъ бьются Славяне Западные и Южные: что̀ мы, въ положеніи другихъ Славянъ, понимаемъ только отвлеченно, то эта часть Русскаго народа чувствуетъ и знаетъ по опыту. Мы были всегда самостоятельны, государство было наше, и страданія наши были всегда по нашей собственной винѣ; Малорусское племя своего государства не имѣло, и завоевавъ себѣ на минуту самостоятельность, тотчасъ же отъ нея отказалось, въ пользу общерусскаго единства; его страданія имѣли источникомъ не только его собственныя вины, но и вины чу-

жія: вотъ другая причина, почему положеніе другихъ Славянъ можетъ быть ему гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу. Наконецъ и то, въ чемъ Малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ Славянскихъ, уступивъ Западнымъ общественнымъ началамъ (бо́льшее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, бо̀льшая особность городской жизни и т. п.), служитъ какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго Славянскаго быта племени Великорусскаго къ Западно-Европейскому быту Славянъ Западныхъ. А ко всему этому прибавьте, что домашняя, повседневная тяжба Малороссовъ съ Поляками, — намъ представляющаяся все-таки какъ нѣчто отдаленное и теоретическое, — что эта домашняя, повседневная тяжба непремѣнно должна вызывать, какъ примирительницу, идею Славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Малороссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе Русской Земли идею Славянства, хотя бы то путемъ *внѣшнимъ*, какъ живое осязательное явленіе; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ Славянскимъ міромъ. Безспорно, Славянская идея можетъ найти полное свое опредѣленіе и развитіе только тамъ, гдѣ въ наибольшей полнотѣ хранятся жизнію народною общественныя стихіи Славянскаго организма и гдѣ племя Славянское проявило себя не только пассивнымъ самосохраненіемъ, но и дѣятельнымъ строеніемъ общественнымъ и государственнымъ, и открыло себѣ поприще всемірно-историческое, —

въ средѣ племени Великорусскаго. Но какъ идея Славянская зародилась впервые на Западѣ, у тѣхъ Славянъ, которые почти утратили внутреннія общественныя стихіи Славянскія, зародилась тамъ, какъ внѣшній признакъ, какъ средство самосохраненія погибавшаго народа, — такъ, переходя въ Россію, не должна ли она и здѣсь сдѣлаться общественнымъ достояніемъ впервые среди того племени, которое, хотя уступило исторіи часть своихъ древнихъ органическихъ началъ Славянскихъ (напримѣръ ослабленіемъ элемента общиннаго), но за то имѣетъ болѣе, чѣмъ другія вѣтви Русскаго народа, внѣшнихъ побужденій къ сознанію своего Славянства? Такимъ образомъ идея Славянства, постепенно расширяясь, пока не захватитъ въ свой кругъ всѣ народы Славянскіе, съ тѣмъ вмѣстѣ переходила бы отъ внѣшняго значенія къ внутреннему, изъ порожденія матеріальныхъ условій и требованій становилась бы мало-по-малу свободнымъ плодомъ сознанія народныхъ началъ. Примите эту мысль не болѣе, какъ за мое предположеніе, мое гаданіе; но во всякомъ случаѣ, недаромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной Малороссійской и струны религіозной, — еще третью струну, Славянскую (поэма Гусъ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, — и то и другое написанныя еще въ сороковыхъ годахъ).

Какъ бы то ни было, призывайте всѣхъ къ празднованію въ наступающемъ году тысячелѣтней годов-

щины Кирилла и Меѳодія. Старайтесь, чтобы сочувствіе наше къ ихъ памяти и къ идеѣ, которой они служатъ символомъ. выразилось достойнымъ образомъ; ибо, если справедливо, что Малорусская земля въ настоящее время ближе къ живому, внѣшнему сознанію Славянства, Славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также, что пока сознаніе это не усвоится землею Великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи, — и самая идея Славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное самосознаніе останется недовершеннымъ. Потому-то, я полагаю, долгъ каждаго изъ насъ, если мы хотимъ у насъ народнаго самосознанія, способствовать по возможности укорененію и развитію въ Россіи Славянской идеи.

А. Гильфердингъ.

Одобрено цензурою 11 Мая, 1862 г. Москва.